

МИТРОПОЛИТ ОМСКИЙ И ТАВРИЧЕСКИЙ ВЛАДИМИР (ИКИМ)

ІС ХС
НІКА

СЛОВА

В ДНИ ПАМЯТИ
ОСОБО ЧТИМЫХ СВЯТЫХ

митрополит Владимир (Иким)

**Слова в дни памяти особо чтимых
святых. Книга вторая. Июнь**

«Сибирская Благовонница»

2018

УДК 242
ББК 86.372-43

(Иким) м.

Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга вторая. Июнь / м. (Иким) — «Сибирская Благовонница», 2018

ISBN 978-5-00127-034-4

Книга «Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга вторая» представляет собой сборник из 36 богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира, посвященных как памяти отдельных святых Вселенской и Русской Церкви, так и их соборам и отдельным событиям, связанным с ними (день кончины, обретения мощей, прославления и т. п.), охватывая месяц июнь. В этих проповедях житийные материалы совмещаются с современной духовно-нравственной проблематикой, историческими оценками и духовными уроками, преломляясь через личный многолетний опыт архипастырского служения автора. Книга предназначена для самого широкого круга православных читателей.

УДК 242
ББК 86.372-43

ISBN 978-5-00127-034-4

© (Иким) м., 2018
© Сибирская Благовонница, 2018

Содержание

От редакции	6
Слово в день памяти благоверного великого князя Дмитрия Донского	8
Слово в день обретения мошей святителя Алексия, митрополита Московского и всея России, чудотворца	26
Слово в день памяти святых равноапостольных царя Константина и матери его, царицы Елены	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**митрополит Омский и
Таврический Владимир (Иким)
Слова в дни памяти особо чтимых святых
Книга вторая: июнь**

© Сибирская Благовонница, оформление, 2018

© Митрополит Владимир (Иким), текст, 2018

* * *

От редакции

Издательство «Сибирская Благовонница» продолжает публикацию богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира (Икима). Данная книга – «Слова в дни памяти особо чтимых святых» – тематически начинает новую их часть. Слова эти являются своего рода продолжением серий «Вечное сокровище», «Врата покаяния» и «Сияние Пасхи», где толковались литургические евангельские и апостольские чтения на весь богослужебный год.

Предлагаемая читателю книга вторая богослужебных проповедей владыки представляет собой сборник из 36 очерков, посвященных празднованию святых, воспоминаемых Церковью в июне. Это увлекательный и умный рассказ о святых Вселенской и Русской Церкви и о различных событиях, связанных со ними (день кончины, обретения мощей, прославления и т. п.), а также о Соборах святых. Всего здесь повествуется о тринадцати Соборах святых, о днях празднования шести древних и двадцати русских святых, а в приводимых списках Соборов упоминаются сотни имен, в подавляющем большинстве – наших, русских святых.

«Много звезд на небе, и далеки они от нас. Они сияют нам из глубины небес, и по ним усталый путник правит путь свой по морю и по земле. Тихую отраду вливают в душу эти мерцающие таинственные светлые точки на темном небе ночи!.. Так же далеко от нас в глубину веков ушло и то время, когда жили и трудились на земле наши чудотворцы. Тьма веков и все пережитые краем невзгоды сокрыли подробные сведения о жизни многих из них. Но даже самая малая часть из известного нам содержит много поучительного. Своею жизнью святые влекут нас к небесам, сияя светом добродетелей, показывая всю красоту и привлекательность жизни святой – этого верного пути к райским селениям», – говорится по поводу житий карельских святых в Олонецком патерике, изданном в 1910 году, но слова эти приложимы ко всему сонму святых, прославленных Церковью (с. 153).

Значение святых угодников Божиих, как замечает преподобный Иоанн Дамаскин, в том, что на их крови «созидается Церковь», которая поэтому и прославляет «святых как друзей Божиих, противопоставивших греху до крови и изливанием ее за Христа подражавших Ему, ранее пролившему за них Свою собственную кровь... в жизни шедших по стопам Его», так что их жития становятся для всех последующих христиан своего рода живыми иконами, примерами богоугодной жизни. И каждый из нас вслед за названным преподобным автором вправе сказать: «...через них я освящаюсь и воспламеняюсь соревнованием подражания... Поэтому и смерть святых празднуется, и храмы им воздвигаются, и изображения начертываются».

Святые Божии живы, они с нами и помогают нам – залог тому их честные мощи, которым мы поклоняемся (с. 300–301). И, как пишет митрополит Владимир, «святые мощи никак нельзя было назвать кумирами: они не были рукотворными. В нетленных телах праведников Господь являл предвестие небесной славы, уготованной верным» (с. 288); «Как древние еретики, протестанты отвергают почитание святых мощей. Для нас же, православных, нетление

тел святых подвижников, исходящие от них чудеса есть зримое свидетельство воскресения верных во славе в вечном Царстве Отца Небесного» (с. 300–301). Но, напоминает высокопреосвященнейший владыка, «без подлинной внутренней христианской жизни: богообщения, богопознания и взращивания в своей душе христианских добродетелей – никакие даже самые прекрасные храмы, колокола и богато украшенные ризы не принесут нам абсолютно никакой пользы...» (с. 180).

Святые являются для нас учителями духовной жизни, и прежде всего молитвы: «Святые отцы заповедуют нам в молитве соединять ум и сердце, в единстве мысли и чувства всецело устремляться в небеса» (с. 301–302); они важны для нас еще и потому, что мы сами можем обращаться к ним за помощью в наших молитвах, ибо «они... при содействии Бога сделались страшными для врагов и благодетелями для приходящих [к ним] с верою не как к богам и благодетелям по природе, но как к слугам и служителям Бога и как к таким, которые, вследствие своей любви к Нему, получили счастливый удел: *дерзновение* [или свободный к Богу доступ]», – говорит нам митрополит Владимир, опираясь в этих словах на авторитет святого Иоанна Дамаскина.

Так святые становятся нашими духовными руководителями на пути к спасению. Не только подвижники из глубины веков, но «верность Христу превыше собственной жизни доказали делом и святые нашего времени – многочисленные новомученики и исповедники» (с. 448). При этом нужно осознавать, что «святые подвижники и даже Сама Матерь Божия – это не некие божества, бесконечно далекие от человека, но точно такие же люди, как и мы. И разница между ними и нами состоит не в том, что они были якобы избраны для святости, а мы нет, а в том, что они духовно трудились над собой и на деле стремились соединиться с Богом... А это значит, что святость доступна и любому из нас – стоит лишь не просто захотеть этого, но и начать действительно жить по-христиански» (с. 635).

Именно поэтому автор стремится говорить о святых без упрощения или нарочитой их идеализации: «...по общей человеческой немощи и святые подвижники порой не избегают глубоких падений, и лишь впоследствии Всеблагой Господь через тяжкие скорби воздвигает избранников Своих к покаянию» (с. 22). Таким образом, святые во все века являют нам идеал христианского внутреннего совершенствования и показывают путь преодоления всех искушений на пути к святости и спасению.

В проповедях митрополита Владимира о святых житийные материалы совмещаются с современной духовно-нравственной проблематикой, историческими оценками и духовными уроками, преломляясь через личный многолетний опыт архипастырского служения автора. О жизни святых он говорит просто, но ярко и убедительно. Книга поможет осмысленно участвовать в богослужебной молитве святым нашей Церкви. Полезной окажется она и для священников в их проповедческих трудах и в целом, как надеется редакция, найдет своего самого широкого благодарного читателя.

Слово в день памяти благоверного великого князя Дмитрия Донского (19 мая / 1 июня)

*Господа ради сражайтесь, и святых ради церквей, и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная.
Благоверный великий князь Дмитрий*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе братья и сестры!

Нечеловеческой можно назвать тяжесть, которую вынес на своих плечах благоверный князь Дмитрий. Двенадцатилетним ребенком воспринял он ответственность за родную землю, и ни года, ни месяца покоя не имел среди опасностей, битв и бедствий своего великого княжения. Но святой Дмитрий стремился быть верным Господу, на Бога надеялся – и Бог помогал ему. Он выстоял против несметных Мамаевых полчищ, против гордыни удельных князей, против измены и предательства, против западного коварства. По благодати Божией благоверный великий князь вынес непомерное бремя, и ныне Русская Церковь воспеваает ему: «Подвиги твоими, святе Дмитрие, страну нашу Бог сохрани, давший тебе силу непобедимую».

Ни прежде, ни после собиратели Руси – государи Московские – не правили в таких тяжелых обстоятельствах, какие выпали на долю благоверного Дмитрия. Начало его княжения совпало с окончанием сорокалетнего относительного покоя Русской земли.

За эти годы роздыха уже скорее не под опустошительным игом, а под покровительственным крылом могучей Орды объединялось и крепло Московское государство, излечиваясь от страшнейшей внутренней болезни – княжеских междоусобиц, братоубийственного разделения. Ханы Узбек и Джанибек покровительствовали Москве, ведущей Отечество к единству: так Иоанн I Калита, Симеон Гордый, Иоанн II Добрый сделали князьями не только Московскими, но и всея Руси. Не было опустошительных набегов, была забота о спокойствии и процветании «русского улуса», ставшего уже не колонией, а протекторатом Ордынской империи. Хан Узбек властной рукой смирил Тверь, сеявшую на Руси раздоры и войны. Хан Джанибек оградил Русь от западной опасности, отвратив нашествие Ольгерда Литовского. Да, Орда брала дань, но взамен давала Русской земле мир и объединение. По таинственному Промыслу Божию

зависимость от Орды уберегла Московское государство от польско-литовского ига, которое в Киевской Руси стремилось поработить самую душу народа насильственным окатоличиванием и ополячиванием. Так, к примеру, в то же время, Ольгерд Литовский зверски казнил исповедников Православия, а ханша Тайдула, возможно на свои средства, разрешила возвести в Москве Чудов монастырь.

Но к концу княжения Иоанна II Доброго в самой Орде началась смута, которую летописец называет *великой замятней*. Ханом стал Бердибек, дорвавшийся до власти убийством своего отца Джанибека и двенадцати своих братьев. Одним из первых замыслов этого воцарившегося преступника было пойти погулять и пограбить Русь. Отвратить новое гибельное нашествие, умолить и смягчить свирепое сердце Бердибека сумел святитель-чудотворец Алексий. С великим торжеством встречала Русская земля своего избавителя, вестником мира возвращавшегося из Орды. Среди приветствовавших святителя Алексия был и восьмилетний княжич Дмитрий Московский, в восторге детской души воскликнувший: «О Владыко! Ты даровал нам житие мирное: чем можем мы изъяснить тебе нашу благодарность?»

Недолго наслаждался властью Бердибек, своим преступлением породивший новые беззакония. Хан-отцеубийца, в свою очередь, был зарезан собственным сыном. Затем в Орде началась дикая резня между чингизидами, настало время «ханов на час», сменявших один другого. А в «придворных кругах» Орды все яснее обозначалась скрытая пружина смуты: зловещая фигура главного заговорщика – темника Мамай, задумавшего узурпировать законную власть потомков Чингиза.

Некогда хан Узбек в ярлыке, данном Симеону Гордому, принес клятву за себя и своих потомков: великое княжение на Руси навсегда отдается князьям Московским, и под руку их предаются остальные русские князья. Но один из ордынских «ханов на час», Навруз (1360), поправил клятву великого предка. По смерти Иоанна II Доброго начались интриги новгородской вольницы, упрямо противившейся Москве-объединительнице. Новгородцы принесли Наврузу богатые дары, подкупили хана серебром – и он утвердил на великое княжение не Дмитрия Иоанновича Московского, а ставленника сеятелей раздора князя Дмитрия Константиновича Суздальского. Русь смирилась с ханской волей: святитель Алексий благословил Суздальского князя на правление, однако переезжать к нему отказался, оставшись со своим юным воспитанником Дмитрием Московским. Сердце Русской Церкви, средоточие русского духа – митрополичья кафедра оставалась в Москве.

Тем временем Мамай опять устроил переворот и расколол Орду на две части. В одной из них – в Волжской Орде – стал править сам Мамай, поначалу от имени чингизида Абдуллы. А Сарайскую (Золотую) Орду возглавил хан-чингизид Амурат, который вернул Дмитрию Московскому ярлык на великое княжение в Русской земле.

Одиннадцатилетним ребенком благоверный Дмитрий побывал в Орде и едва спасся от ужасов случившейся там резни. Тринадцать лет было Московскому князю, когда он верхом на коне ехал впереди дружины, шедшей против мятежного Суздаля. Множеством бедствий: пожарами, пожарами, пожарами, стонами разорения и голода, нескончаемыми войнами – наполнено время его княжения.

Среди всех этих скорбей, крови и чада пожарищ величайший из государей Московских твердой рукою вел свое земное Отечество к возрождению, а душу свою хранил и взращивал для Отечества Небесного. Державный подвиг благоверного князя Дмитрия нераздельно слит с подвигом достижения им личной святости.

Да, великий князь Дмитрий Донской был наделен высокими дарованиями. Он сполна обладал государственной мудростью, воинской доблестью, силами телесными и душевными. Но никакой земной гениальностью, никакими «железными нервами и стальной волей» не объяснимо то, что вынес и совершил благоверный Дмитрий. В нем и через него действовало всепобеждающее могущество Всевышнего – таково чудо его жизненного пути.

По слову древнего жития, святой Димитрий «воспитан был в благочестии и славе, с наставлениями душеполезными, и с младенческих лет возлюбил Бога». Священный огонь боголюбия сберег благоверный князь в тяжелых испытаниях. Его деятельность требовала постоянного напряжения, казалось, превосходящего его силы, но ни разу он не поддался соблазну «отдохнуть и забыться» в сладкой трясине греха. В беде и радости, в скорби и удаче он оставался тем же – в колючей власянице под златотканым нарядом или ратным доспехом, с молитвой на устах и в сердце. Целомудренный, воздержанный в пище и питии, благоговейный в храме, всегда готовый миловать и примиряться, грозный только для врагов Отечества – таков благоверный Димитрий, чистыми руками вершивший возрождение Православной Руси, дело Божие. И Господь, укрепляя верного Своего, даровал ему твердые опоры для великого труда – духоносных наставников, счастье христианского супружества, верных и доблестных сподвижников.

С раннего детства душу благоверного Димитрия лелеял богомудрый святитель Алексий, а когда юный князь осиротел, святой старец заменил ему родного отца. Просвещенный свыше, святитель Алексий учил своего питомца любви к Отечеству, возвращал в нем державный разум, сочетавшийся с упованием на Господа. Чутко впитывал благоверный Димитрий эти уроки и впоследствии величайшие свои деяния совершил по благословению Матери-Церкви. А Русская Церковь в то время крепла необычайно. По слову Священного Писания, на Руси умножался грех, но преизобиловала благодать (см. Рим. 5, 20). То был золотой век русской святости – век подвигов преподобного Сергия Радонежского и *подобных звездам небесным* учеников его, век трудов духоносных святителей Алексия Московского, Стефана Пермского, Дионисия Суздальского, Арсения Тверского, век множества ведомых и неведомых подвижников благочестия, осенявших своими молитвами Русскую землю и привлекавших на нее благоволение Божие. Так, несмотря на бедственное общее состояние, угрозы с востока и запада, несмотря на злые крамолы удельных князей, таинственно созидалась непоколебимая духовная основа для возрождения Руси. Молитвами святых оживала душа народа, обретая способность для державного строительства, – и внимала Русь голосу своего благоверного правителя, князя Димитрия, посланного нашему Отечеству Господом в годину становления.

Из того же Суздаля, откуда мятежная туча грозила помрачить общерусское единство, пришло к благоверному Димитрию светлое счастье. Старейший из рода Мономаха, князь Димитрий Константинович Суздальский, отказался от посягательств на великое княжение и в залог мира отдал благоверному Димитрию Московскому в жены свою дочь Евдокию, девушку удивительной духовной красоты, воспитанницу преподобного Сергия Радонежского. Этот брак, явившийся из святого миротворчества, был воистину благословлен Всевышним. В своем доме, рядом со своей благоверной женою Евдокией, находил благоверный Димитрий утешение и отраду, в бесконечной ее любви и нежности черпал отдохновение от государственных бурь, обретал силы для новых свершений. То был истинно христианский брак святых супругов. По восторженному слову жизнеописателя: «Еще и мудрый сказал, что любящего душа в теле любимого. Так и я не стыжусь говорить, что двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь, на будущую славу взирают, возводя очи к небу. Такая и у Димитрия была жена». И если благоверный князь Димитрий все же не избежал на своем многосложном пути некоторых свойственных князьям слабостей, то образ благоверной княгини Евдокии (в иночестве, принятом после кончины мужа, – Евфросинии) представляется излучающим чистый свет. Это сияние святой женской души засвидетельствовано чудесами, явленными ей в земном житии и по отшествии в горня. Говоря о высоких заслугах святого Димитрия Донского перед Отечеством, невозможно не вспомнить о благоверной княгине Евдокии-Евфросинии, свою любовью создавшей мужу домашнюю церковь-семью, окрылявшую и просветлявшую его для державных свершений.

Благоверный Димитрий был одарен способностью привлекать и удерживать около себя людей честных, мужественных, благородных. В те времена русские бояре привыкли перебегать от князя к князю, ища для себя большей чести и выгоды. От святого Московского князя, за редчайшими исключениями, не уходил никто, а к нему приходили многие. В ближайшем окружении благоверного Димитрия находились, храня ему нерушимую верность, выдающиеся полководцы – князя Владимир Серпуховской (Храбрый) и Димитрий Боброк (Волынский). Даже сыновья злейшего врага Руси Ольгерда Литовского сделались соратниками Великого Московского князя. Даже такие противники Москвы, как князя Михаил IV Тверской и Олег Рязанский, в конце концов искренне примирились со святым Димитрием, поняв величие его души и священный смысл его деяний.

От своего отца благоверный Димитрий получил тяжелое наследство. Великий князь Иоанн II носил прозвания Красного (Красивого), Доброго, Кроткого и действительно был человеком обаятельным и мягкосердечным. Однако мягкость его граничила со слабодушием, он забывал евангельскую заповедь: кесарь не напрасно носит меч (см. Рим. 13, 4). Иоанн II не ополчался на внешних врагов, не карал внутренних мятежников – так расшатывалось дело Иоанна I Калиты и Симеона Гордого, утвержденное ими единство Руси. Снова начали *ковать крамолу* удельные князья. А на Западе почуял слабость соседа язычник Ольгерд Литовский, уже подмявший под себя Юго-Западную Русь и теперь примеривавшийся к Московскому государству. Олег Рязанский не только считал себя совершенно независимым, но и посягал на внутренние области самого княжества Московского. «Господин Великий Новгород» не признавал над собой ничьей власти и превратился в настоящее разбойничье гнездо. (Некоторые историки идеализируют средневековый Новгород, считая его неким «оплотом свободы и демократии». На деле эта «свобода» оборачивалась буйством, низостью, жестокостью. С одобрения веча новгородская молодежь «воспитывалась» в шайках ушкуйников (речных разбойников), бывших для Руси не лучше татарских кочевников. Ушкуйники не только грабили и жгли русские селения, но и торговали на восточных базарах своими пленниками – русскими православными людьми. Таковы были обычаи вольного Новгорода, державшего именоваться себя градом святой Софии.) При Иоанне II начались крамолы и в Брянске, и в Нижнем Новгороде, и в Смоленске. Тверской князь Михаил IV вспомнил былую вражду к Москве и решил возобновить старые претензии Твери на первенство. Само княжение Димитрия Иоанновича Московского началось с временной потери великокняжеского ярлыка, узурпированного Суздалем. Такова была каша, которую надо было расхлебывать сыну Иоанна II Доброго.

Казалось, сама стихия ополчилась против юного Димитрия. На Русь обрушилась эпидемия чумы, унесшая жизни множества людей, среди них – матери и младшего брата благоверного Димитрия. Затем в Москве вспыхнул ужасный пожар – за два часа столица выгорела дотла. Но, ободряемый святителем Алексием, молодой князь не пал духом – он начал заново отстраивать свой город. Пожар начался с деревянного храма Всех святых и получил название Всехсвятского – Промысл Божий и труды благоверного Димитрия обратили это бедствие в великое благо. Вместо прежней деревянной ограды молодой князь решил воздвигнуть вокруг Москвы каменную стену. Это было сделано, и сделано вовремя.

Русь действительно была ослаблена внутренними раздорами и не готова к встрече иноземного врага. Ольгерду Литовскому в сопровождении русских князей-крамольников удалось стремительно пройти по Руси и достичь Москвы. Но взять столицу, превратившуюся в город-крепость, враг не сумел. Ольгерд постоял под каменными стенами Москвы и повернул восвояси. А до нового набега Литвы благоверный Димитрий уже успел сплотить вокруг себя верных русскому единству князей, собрать войска. Ольгерд встретил достойный отпор, и на время литовский князь притих.

Затем благоверный Димитрий начал умиротворять, а где это не удавалось – военной силой карать сеятелей раздора. Матерь-Церковь благословляла и поддерживала Московского

князя в священном деле собирания Отечества. В ряде походов благоверного Дмитрия сопровождал сам святой митрополит Алексей. Иногда духовенству удавалось предотвратить кровопролитие: так было в Нижнем Новгороде, где преподобный Сергей Радонежский закрыл все храмы – и два поссорившихся князя были вынуждены примириться. Против упорствующих крамольников гремели грозные слова анафемы. Святитель Алексей отлучил от Церкви союзничавших с Литвой князей Святослава Брянского и Михаила IV Тверского.

Однако даже угроза гнева небесного и вечной гибели не укротили властолюбивых приязней Тверского князя. Михаил IV уехал в Орду добывать для себя великокняжеский ярлык. А Орда, раздираемая смутами, нишала. Каждому «хану на час» нужны были деньги, и они то и дело требовали с Руси «царского выхода» – сверхурочной чрезвычайной дани. Благоверный Дмитрий, как мог, противился этим поборам, разорительным, а порою и просто непосильным для Русской земли. Ну а Мамай, к тому времени сумевший объединить Орду и правивший именем очередной марионетки-чингизида, был недоволен поведением московского «улу-сника». Михаил IV дарами и посулами ульстил правителя Орды и получил ярлык на великое княжение.

Благоверный Дмитрий, видя в тверской крамоле гибель родной земли, решился на дотоле неслыханный шаг – отказался выполнять повеление Орды. Михаил IV был с позором изгнан из Владимира, где пытался сесть на великокняжеский престол. Но ордынского посла благоверный Дмитрий с честью принял в Москве, обласкал и осыпал дарами. Однако это не могло отвлечь гнев Мамай, у которого под рукой было готовое войско для нашествия на Русь.

Ехать в Орду, пытаться вымолить прощение у жестокого Мамай – это казалось для князя-ослушника верной смертью. Но именно этот смиренный и опасный выбор сделал благоверный Дмитрий. Он ехал по благословию старца святителя Алексея. Провожая в путь *князя* – надежду земли Русской, народ плакал. Но в Орде случилось чудо: благоверный Дмитрий был не только прощен властным темником, но и испросил уменьшения русской дани.

Великий князь вернулся на родину с торжеством. Но на Руси не было покоя. Продолжал враждовать Михаил IV, за время отсутствия Московского государя он сжег города Углич и Бежецк. Пришлось воевать с Тверью, потом – с Рязанью, потом – опять с Тверью, успевшей заключить предательский союз с Литвой. Благоверный Дмитрий едва успевал гасить очаги крамолы, вспыхивавшие в разных концах Русской земли.

Недолго оставались добрыми и отношения с Ордой. В Нижнем Новгороде разразился бунт, были убиты ханские послы. Подозрительный Мамай обвинил Московского князя в попустительстве и даже подстрекательстве к нижегородскому мятежу. Воспользовавшись этим, Михаил IV снова выпросил в Орде ярлык на великое княжение. Благоверный Дмитрий вновь отказался подчиниться Орде: невозможно было из-за капризов даже не хана, а воеводы-темника обречь Русь на новый раскол. Великий князь действовал решительно. Московские войска осадили Тверь. Под страхом смерти Михаил IV отрекся от своих посягательств, целовал крест на верность Москве.

Было ясно, что этого нового неповиновения Мамай уже не простит. Мечь ордынского правителя началась с двукратного сожжения Нижнего Новгорода и опустошения нижегородских земель. Против Москвы было послано карательное войско мурзы Бегича, но благоверный Дмитрий наголову разбил эти отряды на берегу реки Вожи в 1376 году. Столкновение Московского государства со всей мощью Золотой Орды стало неизбежным.

Слава громких побед, всенародное восхищение и поклонение сопутствовали благоверному Дмитрию. Его называли высокопарным орлом, в нем видели спасителя Отечества и будущего освободителя от ордынского гнета. Но слава и честь таили в себе опасность для души великого князя, порождая ядовитый соблазн гордыни. Пока был жив святитель Алексей, он хранил смирение своего духовного сына, но с кончиной духоносного старца некому стало оберегать княжескую душу. Боголюбив и благочестив был благоверный Дмитрий, безупречен в

целомудрии, посте и молитве. Но по общей человеческой немощи и святые подвижники порой не избегают глубоких падений, и лишь впоследствии Всеблагой Господь через тяжкие скорби воздвигает избранников Своих к покаянию. Так впал в самомнение и благоверный Димитрий: ослепленный своей мирской властью, он посягнул и на власть духовную – стал навязывать свою волю Матери-Церкви. Из этого княжеского греха родилось бедственное для Руси духовное безначалие, церковная смута.

Святой митрополит Алексей достиг глубокой старости. Нельзя было не задумываться о достойном ему преемнике, способном возглавить Русскую Церковь в тревожное время. У благоверного Димитрия был свой кандидат – некий архимандрит Михаил, вошедший в историю под кличкой Митяй. Этот великокняжеский любимец был обходителен, красноречив, начитан, сведущ и в мирских делах, при случае мог подать дельный совет. Благоверный Димитрий был прямо-таки ослеплен внешними достоинствами Митяя, не видя за ними его черной души. Митяй был вдовый священник; имея в виду его возведение на митрополичий престол, великий князь обеспечил Митяю стремительную монашескую карьеру – в самый день пострига он был сделан архимандритом Московского Спасского монастыря. Затем благоверный Димитрий просил святителя Алексея благословить Митяя как будущего митрополита всея Руси. Святой старец отказал сдержанно, но твердо: «Михаил еще молод в иночестве. Я не могу благословить его».

Духовному взору святого Алексея была открыта нечистота души Митяя. Чтобы не допустить недостойного к власти над Русской Церковью, святитель решил призвать на митрополию подвижника высочайшей жизни, преподобного Сергия Радонежского. Но Всероссийский игумен отвечал: «Если не хочешь прогнать нищету мою от твоей святыни, не говори о таком тяжком бремени моему достоинству». Этот отказ, по существу резкий и содержащий в себе угрозу в случае дальнейших настояний бросить свой монастырь и уйти в неведомые леса, обычно приписывают смирению преподобного Сергия, не желавшего чести и власти. Однако причина, по которой смиреннейший из иноков не подчинился велению митрополита, совсем не так проста. Преподобный Сергий не отдал себя в первосвятительство, отказал в послушании Предстоятелю Русской Церкви, поскольку повиновался высшей церковной власти. Радонежский игумен, в отличие от великого князя и даже от святого митрополита, знал, что Русская Церковь после кончины святителя Алексея немедленно обретет новое законное возглавление.

Каноническое право на поставление российских митрополитов в то время имел Константинопольский Патриархат. При всей своей пламенной любви к Отечеству, святой Алексей и благоверный Димитрий обладали кругозором, суженным до пределов Северо-Восточной Руси, поэтому они хотели видеть митрополитом своего, русского человека. Для Царьграда, представлявшего Вселенское Православие, Русская Поместная Церковь не ограничивалась этими рамками – Киевская Русь была под властью языческой Литвы, Галицкая Русь – под католической Польшей. То были неотъемлемые части Российской Церкви, там были православные епархии, там жили и молились русские православные люди. Но огнепоклонник Ольгерд Литовский и католик Казимир Польский видели в Москве врага, а в московских митрополитах – вражеских шпионов и пособников. Сговорившись, князь Ольгерд и король Казимир потребовали отдельного митрополита для своих подданных, угрожая в случае отказа искоренить Православие в своих владениях. Оберегая южнорусскую паству от гонений, Царьград согласился на разделение митрополии. Как бы оправдываясь, Константинопольский Патриарх Филофей писал по этому поводу святителю Московскому Алексию: «Что мы должны делать в таком положении? Тебя призываем в судьи: что сам скажешь? Другое дело, если бы государи земли той были православные. Посуди сам, хорошо ли было бы, если бы так случилось, как они пишут». На Киевскую кафедру был посвящен серб Киприан, человек святой жизни, образованный и мудрый. Но на такой разрыв общерусского церковного единения Цареградская Патриархия шла лишь как на временную меру – после кончины святителя Алексея митрополитом всея Руси должен

был стать святитель Киприан. Так предназначала Вселенская Церковь, но не так рассуждало человеческое своеволие.

В 1378 году отошла ко Господу святая душа старца Алексия – и началась на Руси смута церковная. Напрасно преподобный Сергей убеждал великого князя, чтобы тот призвал в Москву святителя Киприана, – князь не желал видеть чужака и иностранца. Ни воля Константинопольской Церкви, ни совет Всероссийского игумена, ни память о святителе Алексии, отказавшем в благословении недостойному Митяю, – ничто не могло обуздать княжеского своеволия. Благоверного Димитрия словно бы ослепило пристрастие к любимцу, и распалый гордыней Митяй, никем не посвященный и не избранный, переехал в митрополичьи покои, надел первосвятительскую мантию и белый клобук, стал распоряжаться церковными доходами, миловать и судить духовенство. Его самосвятство и самоуправство длились дольше года. Наконец великий князь решился на новый «патриотический жест»: приказал Собору русских епископов избрать Митяя в митрополиты. Это было беззаконием. Среди общего молчания раздался гневный голос святителя Дионисия Суздальского: никакая земная власть, никакой поместный епископат не вправе нарушать каноны, установленные Церковью Вселенской. Святой Дионисий был одним из светочей русского Православия, высота его жития вызывала изумление не только в Отечестве, но и в самом Царьграде – к его речам нельзя было не прислушаться. (Духовной слепотой была продиктована предпринятая при благоверном Димитрии попытка выйти из-под церковной власти Константинополя, начать самостоятельно избирать всероссийского митрополита. Для зависимой от Орды, раздираемой княжескими междоусобицами Руси опека Вселенской Церкви была необходима. В должное время впоследствии, когда Русь стала великой православной державой, Царьград не только передал Собору Русской Церкви право избрания Предстоятеля – тогда же при содействии Константинопольского Патриарха Иеремии II было учреждено русское Патриаршество.)

Волей-неволей Митяй должен был ехать за посвящением в Константинополь. Этот выскочка панически боялся, что туда же отправится святитель Дионисий и своим авторитетом воспрепятствует его избранию. Митяй требовал, чтобы Суздальский архиепископ поклялся оставаться на родине, пока он не вернется в Москву. За «невыезд» своего духовного брата, святого Дионисия, поручился преподобный Сергей Радонежский.

Однако святитель Дионисий в ревности о Церкви дерзнул по своему разумению ради избежания большего зла взять на себя грех: нарушить данное за него ручательство Всероссийского игумена. Святой Дионисий тайно покинул Суздаль и направился в Византию. Узнав об этом, Митяй взбесновался. Он грозил, что, сделавшись митрополитом, лишит святого Дионисия сана и собственноручно спорет скрижали с его мантии. А обитель преподобного Сергия он собирался «раскатать по бревнышку». Услышав такие посулы «будущего первосвятителя», братия Сергиева монастыря встревожилась. Но авва Сергей видел дальше и больше, чем даже духовный его брат святитель Дионисий. Своим взбудораженным ученикам игумен-прозорливец спокойно сказал: «Михаил не получит желаемого и Царьграда не увидит».

Великий князь снабдил Митяя огромной суммой денег на подарки «нужным людям» в Царьграде. Доверие благоверного Димитрия к любимцу дошло до того, что он дал ему бланки – чистые листы со своей подписью и печатью, на которых Митяй мог писать от имени великого князя. Но все это не пригодилось властолюбцу. На нем сбылось предсказание преподобного Сергия: Митяй скоропостижно умер на корабле, плывшем в Константинополь. Однако, по народной пословице, грех за грех цепляется. Бывшие в свите Митяя архимандриты решились на неслыханное дело – «разыграли» между собою российское первосвятительство. Жребий выпал на архимандрита Пимена. На одном из великокняжеских «бланков» злоумышленники составили письмо, будто бы государь Московский умоляет Патриарха посвятить Пимена в митрополиты. На остальных бланках, также от имени великого князя, были заготовлены долговые расписки на крупные суммы – под них Пимен со своими присными взяли деньги у визан-

тийских ростовщиков. Вместе с казной, данной князем Митяю, это составило баснословное богатство. В окружении Патриарха и в придворных кругах Царьграда злоумышленники засыпали золотом всех, кого можно было подкупить, – и Патриарху со всех сторон начали толковать о «великих достоинствах и благочестии» архимандрита Пимена. В конце концов Патриарх склонили к желаемому, и самозванец получил митрополичий сан. Святитель Дионисий, замедливший в дороге из-за недостатка средств, приехал в Царьград позже и не успел помешать чудовищному делу. Обман вскрылся. Признав недействительной совершенную над Пименом хиротонию, Патриарх предложил святителю Дионисию занять Российский первосвятительский престол. Но не для того, чтобы искать для себя чести и выгоды, а ради блага Русской Церкви предпринял дальний путь святой Дионисий. Выяснилось, что в Царьград он приехал все же не напрасно: ему предстояло вместе с Патриархом защищать Православие от новоявленной ереси стригольников.

Пимену недолго пришлось наслаждаться «митрополичьим саном». Разгневанный великий князь посадил самозванца «в железа», а потом сослал в отдаленный монастырь. Благоверный Дмитрий наконец как будто осознал свой грех противления Церкви и пригласил в Москву святителя Киприана. Кроткий святитель не вспомнил былых обид и немедленно прибыл к вверенной ему Богом пастве.

В посвященных тому времени исторических трудах есть многозначная фраза: «Прибытие митрополита Киприана в Москву совпало с началом решительных действий князя Дмитрия и татар друг против друга». В канун наивысшего испытания Русь вновь обрела законного духовного главу.

Можно отметить, что «чужак» святитель Киприан сразу же дал великому князю ценнейший практический совет, в соответствии с которым в Орду на разведку отправился боярин Федор Тютчев. Из узнанного Тютчевым выяснилось, какой ужас надвигается на Русь.

Мамай медлил с отмщением непокорному улусу, потому что был занят в Орде сложнейшими интригами – выжидал удобного момента, чтобы сбросить маску тайного правителя и самому сесть на ханский «войлок».

И вот Мамай решил устранить последнего подставного хана-чингизида, Мухаммеда, и провозгласил ханом себя. После этого разгром Руси стал ближайшей его целью. Видится, что он руководствовался не столько гневом за преслушание, сколько политическим расчетом. Мамай был простой воевода-темник и не имел никаких законных прав на власть в Орде, завещанную потомкам Чингиза. Как всякий самозванец и узурпатор, он стремился оправдать свое возвышение громкими делами и громкой славой, которую, как Мамаю представлялось, он стяжает победоносным нашествием на Русь. Он шел не ради дани и грабежа: Мамай хотел вытоптать и изничтожить Русь, навсегда сломить хребет русскому народу. Тютчеву удалось услышать, что выкрикивал Мамай перед своими полчищами: «Возьму Русскую землю, перебыю ее князей и поставлю всюду баскаков, храмы выжгу и всех попов перережу и приведу русский улус к нашей вере». Мамай готовил свое нашествие тщательно и обстоятельно. Он сумел собрать трехсоттысячное войско, среди которого были не только татаро-монголы, но и половцы, черкесы, ясы, таты (кавказские евреи), армяне. Были и наемники: отборная генуэзская пехота в тяжелых доспехах. С подобной силой Русь не имела дела со времен полумиллионной армии Батыея, и если бы даже удалось собрать воедино все дружины русских княжеств, они оказались бы вдвое меньше Мамаевых полчищ. Но это было еще не все. В союзе с Мамаем готовился выступить князь Ягайло Литовский, коварством и жестокостью не уступавший своему предшественнику Ольгерду. Лицемерно представлявшийся верным Москве князь Олег Рязанский замыслил измену: рязанцы также отправлялись на соединение с ордынским войском. Ягайло и Олег договорились о дележе разгромленной Московской Руси: половина доставалась Литве, половина – Рязани. Услышав от Тютчева об этом «тройственном союзе», благоверный Дмитрий решил вести русские дружины навстречу врагу, чтобы помешать Литве и Рязани

соединиться с ордынцами. Но и победа над одним Мамаевым полчищем представлялась совершенно немислимой для Руси, казалась превышающей человеческие силы. Однако благоверный Димитрий недаром был воспитанником святителя Алексия, собеседником великих русских святых, недаром он возростал в благочестии – упование свое благоверный князь возложил на Господа Всемогущего.

Свет веры, ведущий Православную Русь к победе над супостатом, благоверный Димитрий возжег от ярчайшего духовного светоча своего времени, прибегнув за благословением к преподобному Сергию Радонежскому. Нет, не сразу Всероссийский игумен благословил князя на великий подвиг. Испытывая чистоту побуждений благоверного Димитрия, прозорливец Радонежский посоветовал ему отдать хану все богатство и всю честь, чтобы избежать пролития христианской крови. И лишь услышав, что Мамай хочет не дани и покорности, а конечной гибели Руси, преподобный Сергей благословил Московского князя на сражение и предрек ему победу. Более того, Всероссийский игумен вместе с князем отправил в военный поход своих учеников – схимонахов Александра (Пересвета) и Андрея (Ослябю). Бывшие в миру знаменитыми воинами, в иночестве они умерли для мира. Но вот теперь они шли сражаться за Православную Русь, облачившись вместо доспехов в святую схиму; на их усыпальнице начертано: «Были посланы от чудотворца Сергия на безбожного Мамай».

Не на земную битву – на высочайшее духовное свершение, на защиту Матери-Церкви, на священное дело Божие поднималась Русская земля. В Москве святитель Киприан вместе с облеченным в праздничные ризы духовенством благословлял христоролюбивое воинство. Предводитель русских дружин благоверный Димитрий со слезами молился у раки небесного покровителя Москвы – святого митрополита Петра. Прощаясь с благоверной княгиней Евдокией, он сказал: «Бог нам заступник». Мошевик с частицей Животворящего Креста Господня на груди князя-воина был его защитой.

Дивны были знамения, явленные от святителей Московских перед Куликовской битвой. Об одном из них летописец повествует: «В той ноши видение видеша Василий Капица да Семен Антонов: видеша от поля грядуща множество ефиоп (бесов) в велицей силе, овии на колесницах, овии на конях, и бе страшно видети их, и абие внезапно явился святыи Петр митрополит всея Руси и, имея в руце жезл злат и приде на них яростью велиею, глаголя: “Почто приидосте погубляти мое стадо, его же ми дарова Бог соблюдати?” – и нача жезлом своим их проклати, они же на бег устремишася».

В ту же ночь во Владимирском Успенском соборе пономари, стоявшие у гробницы великого князя Александра Невского, узрели чудесное явление. Сама собой зажглась свеча у гроба святого князя. Из алтаря вышли святители Петр и Алексий и, подойдя к гробнице, сказали: «Возстани, Александре, ускори на помочь правнуку своему Димитрию, одолеваему от иноплеменик». И как живой поднялся из гроба прославленный невиский герой, после чего все трое стали невидимы. (Это чудо послужило к открытию нетленных мощей благоверного Александра Невского.)

При сборе русских дружин прояснилось, насколько благоверный Димитрий успел сплотить Отечество в истинном единодушии. На смену удельной местнической слепоте явилось прозрение, пробуждение к общему святорусскому делу. Перед лицом страшного Мамаева полчища бессильны были бы властные приказы Москвы, но дружины почти всех удельных княжеств добровольно сошлись под хоругви великого князя Московского. Уклонились только Тверь и Новгород, предался врагу Олег Рязанский – то были последние очаги раскола в единой Руси, голосом своего воинства восклицавшей: «Готовы сложить головы за веру Христову и за тебя, государь великий князь!». Когда христоролюбивое войско проходило через лес, благоверный Димитрий увидел на одном из деревьев икону святителя Николая Мирликийского. Так обещал свою помощь издревле милый русичам Никола Угодник. От этого явления согрелось

сердце великого князя, и он сказал: «Сие место угреша мя!» (Возвращаясь с победой, благоверный Димитрий основал на этом месте белокаменный Николо-Угрешский монастырь.)

Не к земной славе, а к самоотверженному служению Всевышнему призывал великий князь ратников в своих вдохновенных речах: «Отцы и братия мои, Господа ради сражайтесь, и святых ради церквей, и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная. И ни о чем, братия, земном не помышляйте, не отпустим ведь, и тогда венцами победными увенчает нас Христос Бог и Спаситель душ наших». В этом священном уповании преодолела русская рать последние сомнения, стремясь навстречу Мамаеву полчищу. Так дружины, ведомые благоверным Димитрием, перешли Дон и тем отрезали себе путь к отступлению. Предстоящее побоище, земное сражение с лязгом оружия и потоками крови, представало в облике духовного подвига во имя святой веры. День битвы выпал на пресветлое торжество Рождества Богородицы. И как на праздник, звал воинов на ратный труд благоверный Димитрий: «Пришло, братия, время брани нашей и настал праздник Царицы Марии, Матери Божией Богородицы, Госпожи всей вселенной, и святого Ее Рождества. Если останемся живы – ради Господа, если умрем за мир сей – ради Господа».

Под великокняжеским знаменем с образом Спаса Нерукотворенного вступили русские войска на Куликово поле. Навстречу двигалось, подобно грозовой туче, необозримое ордынское полчище – превосходство его казалось подавляющим. *Но не в силе Бог, а в правде!* То было духовное противостояние. Ордынцы шли на Русь учинять грабеж и резню, жечь чужие города и умерщвлять невинных людей – русские вставали за родную землю и родную Православную веру. За спиною ордынского главаря Мамаю были годы интриг, подкупов и заговоров, подлых убийств ради достижения власти – русский вождь, благоверный Димитрий, печатлел свой путь прямою и справедливою, самоотверженным и бескорыстным служением Отчизне, благочестием и боголюбием. На Куликовом поле словно бы воочию виделось противоборство тьмы и света: ордынцы в серых военных кафтанах, прикрывающиеся черными щитами, и русичи в ярких плащах и светлых доспехах.

Так началась и сама битва: схваткой грубой животной силы с высокой духовностью. Из ордынских рядов выскакал богатырь Челубей, гигант свирепого вида в железной броне, и начал похваляться собою, вызывая русских витязей на поединок. Вызов принял ученик преподобного Сергия, схимонах Александр (Пересвет), высокий не ростом, а духом, одетый не в железо, а в ткань священной схимы, крепкий не гордыней, а смиренной верой. Противники столкнулись с такой силой, что оба пали замертво. Затем началась общая лютая сеча.

Историки много пишут о полководческом искусстве русских вождей, о храбрости русских воинов, обеспечивших успех в Мамаевом побоище. Да, в этом сражении человеческие талант и разум, самоотверженность и мужество, единая человеческая воля русских дружин простерлись навстречу благодати Божией, дарующей победу. Битва стала вдохновенной молитвой Руси, услышанной Всещедрым Господом.

Лютая сеча была ужасна. Два огромных войска, плотная масса из сотен тысяч сражавшихся между собою людей едва втиснулась в пространство Куликова поля, и земля прогибалась под их тяжестью. Множество воинов погибало не от оружия, а просто задыхалось в невыносимой тесноте и духоте. Но среди этого кошмара, среди воплей и стонов, лязга и скрежета те благочестивые русские ратники, которые поднимали взоры к небу, видели дивную картину. Они видели ангельский трисолнечный полк, возглавляемый Архистратигом Михаилом, видели шествие сонма святых мучеников, среди них – великомучеников Георгия Победоносца и Димитрия Солунского, русских князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. От светоносного небесного видения на ордынцев сыпался дождь огненных стрел, а над русскими дружинами зажглось множество венцов. На земле исход сражения решил знаменитый засадный полк Владимира Серпуховского и Димитрия Волынского (по сути дела, всего лишь горстка храбрецов),

но не случайно Мамай, бежавший с поля брани одним из первых, в ужасе выкрикивал: «Велик Бог земли Русской!»

Все это время преподобный Сергей в своей обители духом созерцал Куликовскую битву, поименно поминая за упокой каждого из павших русских воинов. Победа Руси в Куликовской битве была полная: лишь жалкие остатки ордынских полчищ сумели унести ноги от гибели. Но дорого досталось нашему Отечеству это торжество. Две трети русской рати легло костями на поле боя, пало множество бояр и воевод, убито было пятнадцать князей – погиб цвет воинской силы и доблести. Тут же, на Куликовом поле, оставшиеся в живых построили кладбищенский храм Рождества Богородицы и отдали павшим долг поминовения. Память об этих защитниках Руси увековечила Мать-Церковь, учредив особую поминальную субботу, названную в честь благоверного великого князя Димитриевской.

В Куликовской битве благоверный Димитрий сражался в первых рядах, словно простой ратник. Как предрекал ему преподобный Сергей, благословляя в поход, великий князь вышел из побоища живым. Благоверный Димитрий возвращался в Москву, овеянный неслыханной славой победителя в сражении, подобного которому еще не знала история Руси. Эта победа спасла Отечество и Церковь от гибели, ниспровергла мощь Мамаевых полчищ и, казалось, навсегда избавила Русскую землю от ордынского гнета. Благодарный, ликующий народ присвоил любимому князю-победителю Димитрию имя Донского – в память того, как храбро перешел он Дон, устремляясь на брань.

Святая Церковь воспеваает благоверному князю Димитрию Донскому: «Мамаеву низложил еси гордыню». Да, злобную гордыню ордынского самозванца-темника, хотевшего погубить русский народ и русское Православие, благоверный Димитрий втоптал во прах. Но ослепительное сияние Куликовской победы явилось великим искушением для благоверного князя Московского. Груз такой славы и чести трудно вынести земному человеку без падения в гордые помыслы, в самопревозношение.

Видится, что ослепленный славой великий князь начал забывать, что не своим достоинствам, а единому Господу обязан торжеством над врагом. Разгромив главные военные силы ордынцев, собранные в Мамаевом полчище, благоверный Димитрий Донской решил, что с Ордой покончено, и возомнил себя самодержавным, уже ни от кого не зависимым государем. Это поспешное, продиктованное тщеславием мнение было ошибкой и грехом, за который правосудный Господь не умедлил наказать Своего избранника.

Да, история отсчитывала последние годы могущества Золотой Орды. Средоточие основанной Чингисханом империи перемещалось в Среднюю Азию, где утверждал свою столицу гениальный эмир Тимур, и отдаленная сравнительно бедная Русь выпадала из круга имперских интересов. Но Золотой Орде предстояла еще последняя вспышка былой силы, когда на смену самозванцу Мамаю явился самодержавный хан-чингизид.

Недобитые остатки Мамаевых полчищ в Орде встретил отряд чингизида Тохтамыш и довершил их разгром. Тохтамыш стал ханом, Орда обрела законного государя. Мамай бежал в Крым, и там его зарезали бывшие союзники – генуэзцы. Одним из первых дел хана Тохтамыша было отправление посольства к благоверному Димитрию: хан поздравлял русского «младшего брата» с победой над общим врагом и сообщал, что Мамай разбит окончательно.

Великий князь Московский принял ордынских послов сдержанно, одарил небогато. Ни о какой дани не было и речи. Второе посольство Тохтамыша просто не пустили на Русь. Благоверный Димитрий Донской не желал слышать ни об ордынских делах, ни о самой Орде, считая независимость своего государства делом свершившимся.

На такой резкий разрыв с Ордой благоверный Димитрий решился своевольно – не так, как прежде, когда на важные государственные шаги он брал благословение Церкви, советовался с приближенными боярами и союзными князьями. Этот преждевременный порыв великого князя к самодержавству не сопровождался даже здравым размышлением. Благоверный

Димитрий не видел, насколько истощены военные силы Руси битвой с Мамаевым полчищем. Московский князь не знал, что произошло в Орде, и не понимал, что ему придется иметь дело уже не с самозванцем и узурпатором Мамаем, а с законным наследником империи чингизидов. Благоверный Димитрий был опьянен славой Куликовской победы.

Хан Тохтамыш не простил обиды русскому «младшему брату». Орда была не настолько слаба, как казалось со стороны, – здесь еще оставалось достаточно воинов, чтобы составить боеспособные полки. Без громкой похвалы, без шумных приготовлений хан стал собирать силы для похода на Русь и сам поход совершил скрытно и стремительно.

Узнав о вторжении Тохтамыша, благоверный Димитрий с ужасом понял, что у него нет сил для сражения с ханом. Великий князь уехал на Волгу собирать войска, а для обороны столицы оставил лишь небольшой отряд. Сразу после его отъезда в Москве вспыхнул мятеж. Святитель Киприан вышел к бунтовщикам в митрополичьем облачении и пытался образумить толпу, но разбушевавшийся люд остался глух к голосу Церкви. Тогда святитель Киприан тоже покинул Москву, причем вывез из мятежного города семью великого князя. Благоверная княгиня Евдокия с детьми поехала к мужу в Кострому, а святитель Киприан удалился в Тверь, где епископом был его любимый ученик, святой Арсений. Благоверный Димитрий прислал в Москву литовского князя Остея, поручив ему подавить бунт и возглавить оборону города. Остей кое-как поладил с мятежниками. Но когда войска Тохтамыша подступили к стенам русской столицы, защитники Москвы представляли собою буйную ораву, только что взломавшую княжеские погреба и упившуюся хмельными медами. Хан Тохтамыш хитростью уговорил этот сброд открыть ему ворота города, вошел в Москву и сжег ее дотла.

Благоверный Димитрий явился на московское пепелище в состоянии, близком к отчаянию и безумию. Ему казалось, что под пеплом и руинами столицы погребено дело всей его жизни, что пошли прахом все его труды и подвиги. Вместо покаянной молитвы ко Господу милующему князь начал громоздить грех на грех – не нашел ничего лучшего, как сорвать самовластный гнев на святителе Киприане. Великий князь обвинил митрополита в том, что он трусливо оставил паству во время испытаний, а потом перебежал к тверским предателям (Михаил IV Тверской в это время опять пытался добыть для себя в Орде великокняжеский ярлык). Конечно, святой Киприан не был виновен в том, что усмирить московский бунт оказалось свыше его сил, и в Тверь он уехал не к крамольному Михаилу IV, а к духовному сыну своему, святому Арсению. Но святой митрополит кротко принял новое унижение и изгнание от великого князя. Направленная в Царьград княжеская жалоба на митрополита показалась столь обоснованной, что Патриархия утвердила лишение святителя Киприана кафедры. Так вдобавок к разорению земли и ужесточению ордынского гнета на Руси вновь началась церковная смута.

Будущее показало, как духовно слеп оказался в данном случае благоверный Димитрий в своем неприятии митрополита-чужеземца. Константинопольский Патриарх поставлял на русское первосвятительство лучших из лучших своих сынов. Эти нерусские по крови святые митрополиты – серб Киприан и его преемник грек Фотий – запечатлели свое служение пламенной любовью к русскому народу Божию, великими трудами по просвещению паствы и организации церковной жизни на Русской земле. Эти святители-чужеземцы явились хранителями духовного единства Московской и Киевской Руси. Перед богомудрыми Киприаном и Фотием смирялись даже католические правители Литвы и Польши, и этим удалось надолго отсрочить начало латинских гонений на русском Юго-Западе, поработанном иноверцами. О святителе Киприане можно сказать еще, что он был тайноводствуем небесным покровителем Москвы – святителем Петром, общался с ним в чудесных видениях, а впоследствии написал его житие. Нетленные мощи великих святителей Киприана и Фотия ныне почивают в московском Успенском соборе, источая исцеление с верою к ним прибегающим.

Изгнав святителя Киприана, великий князь помирился с бесчестным Пименом и возвел его на митрополичий престол на основании полученной обманом патриаршей грамоты. Но вскоре вернулся из Царьграда святитель Дионисий Суздальский, и стали известны подробности византийских походов Пимена. Явились и ростовщики с требованием уплаты по долговым обязательствам, выданным Пименом от имени благоверного Дмитрия. Терпеть подобного мошенника на первосвятительском престоле было невозможно: Пимена снова с позором прогнали. Великий князь стал убеждать святителя Дионисия, чтобы он возглавил сиротствующую Русскую Церковь, и святой Дионисий решился принять на себя это служение ради общего блага. Казалось бы, что могло быть лучше? Кто был достойнее, чем святой Дионисий, закаленный подвигами пустынножительства, искушенный в богословской мудрости, пламенный ревнитель Православия? Никто не сомневался, что Патриарх Нил, уважавший и любивший Суздальского святителя, с радостью утвердит его на русской митрополии.

Так казалось человеческому разумению. Но не было на то воли Божией! Святитель Дионисий поехал в Царьград за патриаршим благословением, но был задержан в Киеве, брошен в темницу и там скончался. Усугубление церковной смуты, сиротство Русской Церкви лежало тяжким грузом на совести великого князя Дмитрия Донского.

Светлая боголюбивая душа благоверного Дмитрия, не выдержав искуса мирской славы, заразилась смертоносной болезнью гордыни. Но Вселюбящий Господь не оставил в добычу диаволу душу великого князя, с детства стремившегося к чистоте и благочестию, прилежавшего к молитве, подвизавшегося в служении Богу и русскому народу Божию. Тяжек грех самопревозношения, и врачуется этот недуг только суровыми скорбями – жгучим лекарством, посылаемым от Господа Милующего.

Донской герой, первоначальник русской славы, высокопарный орел должен был валяться в ногах у хана Тохтамыша, вымаливая прощение себе и пощаду своему народу. Хан простил, но залогом верности князя Московского оставил в ордынском плену его сына и наследника, юного княжича Василия. Благоверный Дмитрий мог бы освободить сына, заплатив за него выкуп, но княжеская казна была опустошена «деяниями» Пимена.

В наказание за великокняжеское своеволие Тохтамыш обременил Русь поборами, невиданными со времен Батыевых. По слову летописи, «тяжкая и великая дань была по всему княжеству Московскому: собирали с деревенских двух-трех дворов по полтине; тогда же и золотом давали в Орду». И сам благоверный Дмитрий должен был обеспечивать уплату разорительного ханского *выхода*, от которого нищала родная Русская земля.

Кончилось время громких побед благоверного Дмитрия Донского. Не только противостоят Орде, но и смирать удельные крамолы не имел сил великий князь Московский. Уже переметчик, которого прежде благоверный Дмитрий не раз карал властной рукою, Олег Рязанский безнаказанно взял Коломну, а потом разбил московские войска. И благоверный Дмитрий должен был униженно просить мира у Рязани, а Олег отвечал гордым отказом, и ему открывался простор для хищничества на Русской земле.

Между тем священное дело единения Руси продолжалось, но уже не великокняжеской властью и мощью. Сам Господь через святых подвижников Своих гасил последние очаги раздора, творя чудеса перерождения заблудших душ.

К затевавшему новую пагубную смуту Олегу Рязанскому пришел преподобный Сергей Радонежский. О чем говорил Всероссийский игумен с Рязанским князем, всю жизнь косневшим в крамоле и коварстве, для нас остается тайной. Но после этой беседы князь Олег заключил с благоверным Дмитрием вечный мир, отрекся от удельных амбиций и признал старшинство Москвы-объединительницы. В трудах историков постоянно упоминаются злые деяния Рязанского князя, его предательство во время борьбы с Мамаем. Однако мало кто знает, каков был конец жизни многогрешного князя Олега. Он ушел в Солотчинский монастырь, где *жестоким житием* изумлял братию. Он ел только заплесневелые корки, пил только воду. Дни

и ночи проводил он в покаянной молитве пред Господом, омывая горькими слезами смертные свои грехи. Под монашеской власяницей, на голом теле, постоянно кровоточившем и воспаленном, князь-схимник носил вериги – стальную кольчугу, которую, по его словам, он когда-то не захотел надеть для защиты Отечества. Еще долго после его кончины рязанцы дивились на эту кольчугу, вывешенную над могилой их князя, и служили панихиды по его душе.

Еще один упорный крамольник, властолюбивый Михаил IV Тверской, в конце жизни искренне примирился с благоверным Димитрием, склонился под руку верховной Москвы. Остаток дней своих Тверской князь провел в делах милосердия и благочестия, оставив в сердцах незлопамятного народа память о себе как о *князе добром*. Чудо просветления этой мятежной души свершилось не властным насилием, а тихими увещаниями духовного отца князя, святого епископа Арсения – ученика святителя Киприана, которого великий князь Московский так упрямо не желал признавать.

Среди бедствий и унижений смирялась душа благоверного Димитрия Донского, и духовному взору князя открывались его собственные несовершенства. Вступая на спасительный путь покаяния, благоверный Димитрий мучительно обвинял себя в бедах Отечества.

По-прежнему сиротствовала Русская Церковь, и великому князю было страшно сознавать, что он обезглавил ее своими руками. Благоверный Димитрий отправил несколько посланий с просьбой вернуть в Москву святителя Киприана. Но Господь не благоволил дать князю эту радость: при земной жизни увидеть, как заглаживается его грех. Царьград решил более не потакать великокняжеским желаниям, но самостоятельно разобраться в смысле русской церковной смуты. Святитель Киприан и самозванец Пимен были вызваны на суд Константинопольской Патриархии. Суд длился три года: в итоге Пимен был отлучен от Церкви и так и умер под анафемой, а святителю Киприану было возвращено достоинство митрополита всея Руси. Но уже не благоверному Димитрию, а вдове его, благоверной Евдокии, и сыну его, великому князю Василию Димитриевичу, довелось торжественно встречать святителя Киприана в препрестольной столице.

В конце жития благоверный Димитрий Донской уже не был тем красавцем-богатырем, сама внешность которого вызывала восхищение народных толп. Тягчайшие нравственные испытания и полученные в сраженьях увечья надломили здоровье великого князя: ему не было еще сорока лет, а он казался стариком, задыхался от грудной жабы (астмы), дни его клонились к закату. Но болезни и немощь тела способствовали просветлению души. Не гордым победителем, а смиренным кающимся грешником предстал благоверный Димитрий Донской Престолу Господню. И Всещедрый Бог принял и возвеличил эту святую, очищенную покаянием, вознесенную смирением душу.

Величайший русский праведник преподобный Сергей Радонежский принял последнюю исповедь благоверного князя Димитрия, напутствовал его Животворящими Таинами Христовыми, а по кончине сопровождал его могучей молитвой своей. Всероссийский игумен словно бы на руках своих вознес в горняя душу благоверного Димитрия и представил ее Вселюбящему Спасителю.

Оплаканный верными соратниками и былыми недругами, святой благоверный великий князь Димитрий Донской опочил от тяжких трудов на благо земного Отечества и перешел во всерадостное Отечество Небесное. В сердце русского народа Божия померкла память о грехах и ошибках князя, о бедах последних лет его правления, а остался светлый образ, запечатленный в «Слове о житии»: «Царским саном облеченный, жил он по-ангельски и в такой благости всегда пребывал. Почести и славу от всего мира принимал, а Крест Христов на плечах носил. Божественные дни поста в чистоте хранил и каждое воскресенье Святых Таин приобщался. С чистейшей душой пред Богом хотел он предстать, поистине земной явился ангел и небесный человек, с Богом все творящий и за Него борющийся».

Этот дивный образ не угасал, но становился все ярче с прошествием веков. В прошлом столетии, когда на нашу землю обрушились гитлеровские орды, в воззваниях Предстоятеля Русской Церкви митрополита Сергия (Страгородского) стояли рядом имена благоверных великих князей Александра Невского и Дмитрия Донского; на средства православных людей была создана танковая колонна «Дмитрий Донской», шедшая в бой с врагами. В нынешнее время новых грозных испытаний Отечества Русская Православная Церковь прославляет благоверного князя Дмитрия в лике святых, воспевая ему: «Подвиги твоими, святе Дмитрие, страну нашу Бог сохрани, давший тебе силу непобедимую» и призывая его, как древле, на помощь родной земле.

Подвиг благоверных правителей – это, как видится, самый крутой и кремнистый из всех путей к достижению святости. Из-за первородной порчи нашей природы, по человеческой немощи падали в тяжкие грехи и удалившиеся от мирских соблазнов подвижники монастырских обителей, и отшельники дальних пустынь – и должны были вновь и вновь возрождаться к святой жизни покаянием. Как же невероятно трудно достичь богоугодной чистоты не просто в миру, среди кипения нечистых страстей, но на вершинах власти, где к услугам человека все средства для удовлетворения любого греховного позыва, где даже хорошие дела вызывают громкое эхо земной славы, влекущей к гордostному самообольщению. И на таких страшных мирских вершинах святой князь Дмитрий Донской, хотя и спотыкаясь в пути, сумел не уронить свою душу в бездну, но дойти до небесного величия.

Благоверный Дмитрий хранил себя строгим исполнением церковных обрядов и предписаний, согревая их живой верой. С целомудрием и истинно христианской любовью берег он святость своего семейного очага. Справедливостью, добротой, братолюбием было проникнуто его отношение к окружающим его людям – так что, завещая своим сподвижникам труды по единению Русской земли, он по праву мог напомнить им: «С вами веселился я в благоденствии и скорбел в злополучиях; я любил вас искренне и награждал по достоинствам; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вам единым грубым словом». Он не был холодным политиком, двигавшим человеческими массами, как шахматными фигурами, – святой князь был сострадальцем в народных бедствиях: плакал над пеплом сожженных городов, на свои средства помогал обездоленным и хоронил погибших, щадил не только мирных жителей, но и воинов враждовавших с ним удельных княжеств, щадил даже упорных врагов своих, когда жизнь их оказывалась в его руках, и всегда готов был примириться с ними. В жестокие времена, когда коварство и предательство повсюду считались дозволенной хитростью, благоверный Дмитрий ни разу не ступил на кривой путь, не прибег к низкому обману ради «высших» целей, ибо помнил, что от зла может родиться только зло. Величайшие свои деяния благоверный князь-христианин совершил по благословению Матери-Церкви, с молитвой ко Господу и во имя Господне.

В чем же смысл подвига благоверного князя Дмитрия Донского? С политико-экономической точки зрения итоги его правления кажутся крайне прискорбными: ордынский гнет ужесточился, военные силы были подорваны, страна разорена. Почему же слава благоверного Дмитрия в памяти народной затмила славу первых собирателей Руси – Иоанна Калиты и Симеона Гордого, при которых страна наслаждалась покоем и относительным благоденствием? Почему русский народ Божий увидел князя-освободителя в святом Дмитрие Донском, а не в Иоанне III, при котором страна действительно стала независимой от Орды?

Ордынским гнетом правосудный Господь врачевал застарелый смертный грех Древней Руси: братоубийственное разделение, позор нескончаемых междоусобиц, в которых лилась кровь православных людей. Ни у народа, ни у его правителей не хватило духовных сил, не хватило стойкости в вере Христовой, чтобы самим покончить с преступной игрой удельных властолюбцев, прийти к благому единению о Господе. Тогда попущенным от Бога жестким учителем пришла и воцарилась Орда. Далекое не сразу и не всеми был понят этот урок Про-

мысла Божия, и только великие князья Московские начали останавливать безумие княжеских междоусобиц и смут, длившееся даже в поработанной чужеземцами Руси.

Иоанн I Калита был гениальным политиком, объединившим страну с помощью государственной мудрости. Симеон Гордый мог править Русской землей властно и самодержавно, потому что его любил и ему покровительствовал властитель могучей Орды хан Джанибек. Но ни государственный разум, ни подкрепленная силой власть не могли явиться прочной основой для объединения Руси, поэтому-то вновь начались раздоры и шатания при Иоанне II Добром. Только благоверному Дмитрию Донскому удалось сплотить Родину на истинно крепком, духовном основании.

Свет души, чистота сердца, глубокое благочестие святого князя Дмитрия озаряли его личность, и народ увидел и понял: этот правитель *не ищет своего*, но жертвует собою в тяжких государственных и воинских трудах ради блага Отчизны. Доверие к благоверному великому князю порождало веру в совершаемое им общерусское дело. Мать-Церковь благословляла его на подвиги, он был воспитанником святителя Алексия, с ним были молитвы преподобного Сергия, он звал людей за собой во имя Христова – и те, кто становился под великокняжескую хоругвь, чувствовали себя уже не суздальцами или ярославцами, а православным русским народом.

В Куликовской битве Русь преодолела застарелый страх, внушенный Батыевым нашествием (после Батыева еще долго не только мирное население, но и воинские дружины русичей бежали стремглав при одном слухе о приближении ордынского отряда). Мамаево побоище показало, что Русская земля способна противостоять всей собранной воедино мощи Орды. Но не в этом высший смысл Куликовской победы. То было величайшее свершение, общая победа Святой Руси, перед величием которой осознавались ничтожество и мерзость удельных амбиций. После Куликовского подвига Русь научилась видеть в разрушителях единства предателей, богопротивников. Вот почему так быстро изживались косные удельно-местнические пристрастия и как бы сами собой потухли упрямые «патриотизмы» рязанский и тверской, уступая место священной любви к Православной Святой Руси.

Единый Господь вершит судьбы людей, народов, государств. Но каждое благое деяние, великое или малое, творится при встрече всеильной благодати Божией с доброй человеческой волей (в богословии эта таинственная встреча именуется «синергией» – содействием). Небесный Отец не насаждает добра насильно: Он ждет, когда человек сам всеми силами души устремится к Божественным дарам.

В человеческих силах положить начало, засвидетельствовать искренность своего порыва. Тогда Всещедрый Господь ниспосылает нам Свою всемогущую помощь, дарует Свою непобедимую победу. Совершитель – всегда и только Единый Бог, *чтобы никакая плоть не хвалилась* (1 Кор. 1, 29) своими делами перед Всевышним. Так совершается спасение человеческой души, так же вершится возрождение целых народов.

Трудами святого правителя Руси, благоверного Дмитрия Донского, созидался единый порыв русского народа к небесной помощи. В этом – смысл жития, величайшая заслуга благоверного князя Дмитрия. Но Создателем истинного единства и свободы Руси явился Господь Милующий, явился в зримых чудесах и знамениях. Благоверному Дмитрию не пришлось хвалиться пред Господом славой князя-освободителя. Глубоко смирившись, святой Дмитрий Донской высказал в своем завещании лишь робкую надежду: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода (дани)».

Бог *переменил Орду* вскоре после кончины благоверного Дмитрия. Хан Тохтамыш вздумал противиться победоносному эмиру Тимуру Тамерлану – и был сломлен как тростинка. От этого удара Орда уже не оправилась, все глубже погрязая во внутренних смутах и расколах и все меньше имея сил для вмешательства в жизнь Руси.

Но сила, сломившая Орду, надвигалась и на Русь. Непобедимый эмир Тимур, у ног которого уже лежало двадцать держав Востока, вел свои войска к Москве. И хан Тохтамыш, и Мамаево полчище, и даже Батый не шли в сравнение с подобной грозой. А в Москве княжил молодой Василий Димитриевич, не обладавший великими государственными и полководческими талантами своего отца, благоверного Димитрия Донского. По человеческому разумению, спастись Руси на этот раз было невозможно. Однако всеспасающая помощь Господня явилась народу, отчаявшемуся в земной помощи и прибегшему к заступничеству Царицы Небесной.

Войска эмира уже перешли Дон, когда по велению святителя Киприана в Москву была перенесена Владимирская чудотворная икона Матери Божией. Все жители столицы, знатные и нищие, старики и дети, здоровые и больные, вышли за городские ворота встречать величайшую святыню Руси. «И яко узреша Пречудный образ Богоматери и на пречистых Ея дланех Пречистый образ Иисус Христов, и вси падоша на землю, со многосугубыми слезами из сердца вздыхающе и молящися прилежно». Народ едиными устами и единым сердцем взывал: «Матерь Божия! Спаси землю Русскую!» И не силами человеческими, но Высшей Силою совершилось спасение.

Эмир Тимур был ревностный мусульманин, но и мусульмане почитают Деву Мариам – Матерь безгрешного пророка Исы (так ислам называет Иисуса Христа). В тот самый час, когда Русь молилась перед Владимирским образом, эмиру предстало грозное видение – небесное воинство во главе с Пресвятой Девой, повелевающей ему покинуть русские пределы. Эмир Тимур Тамерлан повиновался Высшей воле и увел свои войска.

Прошло почти сто лет – и так же молилась первопрестольная Москва перед Владимирским образом Богородицы, когда на реке Угре в 1480 году стояли друг против друга войска великого князя Иоанна III и ордынского хана Ахмата. Битвы не произошло. Ханские полки бежали прочь, гонимые непонятным ужасом. Так не земным оружием, а Божественной помощью по молитвам Царицы Небесной свершилось окончательное освобождение Руси от ордынского гнета. Так Всемилостивый Господь увенчал порыв, ради которого сплывал русский народ благоверный князь Димитрий Донской.

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Злом, терзавшим Древнюю Русь: расколами и смутами, удельными властолюбием и братоненавистничеством, – чреватое наше мятежное время. Десятилетия под игом богоборческого режима разрушили духовное единство народа. Распалась великая держава. Вновь разделены Русь Киевская и Русь Московская; на Украине льется кровь, усиливается церковный раскол, учиненный бывшим митрополитом Филаретом (Денисенко), развивается папистская уния – так спасение человеческих душ попирается ради националистических амбиций. Местнические интересы грозят разорвать в клочки всю Русскую землю.

Несравненно хуже ордынского было большевистское иго, обескровившее саму душу народа. Теперь страна из тоталитарного ледника брошена в омут разобщения. Никакие политико-экономические расчеты не помогут там, где царят жажда власти, корысть и вседозволенность. Никакой патриотизм не спасет Русь, пока русский народ не вспомнит основу основ своей жизни – Святое Православие. Вся русская история во все века свидетельствует: наше Отечество спасалось и крепло лишь прибегая под Покров Царицы Небесной, милостью Бога Вселюбящего.

В 1993 году, когда в Москве вспыхнул очаг гражданской войны, было явлено чудо Матери Божией, о котором молчала и поныне молчит «демократическая» пресса. Когда Патриарх Алексий II и народ молились перед Владимирским образом Богородицы, противоборствующие стороны внезапно прекратили военные действия. Но вот музейные работники вновь изъяли Владимирский образ из храма – и кровопролитие возобновилось. Политиканством и воплями о «культуре» был заглушен обращенный к народу небесный зов.

Страшнее Мамаева полчища орды демонов-разрушителей, которые идут на нашу землю под знаменами наживы, насилия, разврата, ереси, безбожия, оставляя за собою пепел сожженных человеческих душ, суля вырождение и конечную гибель Руси. Но еще возможно отвратить эту пагубу, если многогрешный народ опомнится, наконец, и осознает себя не безродной массой, а православным народом Божиим.

Будем же молиться Всевышнему: да просветит Он очи заблудших братьев и сестер наших, да ниспошлет Он вновь на русскую ниву Свою преподобных молитвенников и благоверных вождей – подобных святому Димитрию Донскому мужей силы и разума.

Богу же нашему слава всегда, ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

Слово в день обретения мощей святителя Алексия, митрополита Московского и всея России, чудотворца (20 мая / 2 июня)

*Яко сокровище пребогатое, многолетно в земли сокровенное,
честныя мощи твоя обретошася чудотоначащя, всеблаженне отче
святителю Алексие: от нихже врачевство приемлюще обогащаемся.
Тропарь на обретение мощей святителя Алексия Московского*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня Святая Православная Церковь празднует память обретения мощей святителя Алексия, митрополита Московского и всея России, чудотворца, – верного служителя Христова, защитника Православия, доброго пастыря, ревностного делателя на ниве церковной.

Будущий святитель Алексий, нареченный во святом Крещении Елевферием, происходил из знатного боярского рода. Родители его, Феодор и Мария Бяконты, были боярами Черниговского княжества. Святой Алексий родился около 1300 года в Москве, куда боярин Феодор Бяконт переселился из Чернигова оттого, что край Черниговский, опустошенный Батыем, не переставал терпеть нападения от татар. Под защитой же святого благоверного князя Московского Даниила Александровича нашел он мирную и спокойную жизнь, заняв одно из первых мест при княжеском дворе. Князь Даниил очень ценил мудрого боярина, заботящегося не столько о собственной выгоде, сколько об интересах народа и государства; немаловажным знаком княжеского благоволения стал и тот факт, что восприемником родившегося в Москве сына Бяконтов стал сын и наследник самого Даниила Александровича – князь Иоанн Даниилович (впоследствии великий князь Московский Иоанн Калита (1288–1340)).

Таким образом, с самых ранних лет перед юным Елевферием открывались поистине великолепные перспективы. Знатность, богатство и общественное положение его отца, прекрасное образование, которое Феодор Бяконт старался дать всем своим детям, собственные недюжинные таланты – а мальчик рос не по годам разумным, прилежно и с интересом учился – все это давало Елевферию все возможности для того, чтобы блестяще преуспеть на светском

поприще. Он мог бы в будущем стать таким же видным и влиятельным государственным деятелем, как его отец, прожить жизнь в довольстве и достатке, радуясь не только многочисленным успехам по службе, но и спокойной, мирной жизни у домашнего очага, в окружении семьи...

Несомненно, такой же благополучной судьбы всей душой желали для Елевферия и его родители. Но у каждого человека свой собственный путь ко спасению – и Господь указал юному Елевферию Бяконту другую дорогу. Мальчик с ранних лет проникся горячей и искренней любовью к Богу, часто бывал на церковных богослужениях, учился молиться. Постепенно в душе его зародилось и крепло желание полностью, без остатка посвятить свою жизнь Господу – и в возрасте пятнадцати лет (что по тем временам считалось совершеннолетием) Елевферий сообщил родителям о своем твердом намерении стать монахом.

Другой человек на месте боярина Феодора воспротивился бы планам подающего такие надежды сына оставить мир, стал бы, возможно, принуждать его отказаться от подобных намерений...

Как много и сейчас мы видим подобных примеров вокруг нас – не только в отношении монашества, но и любых других случаев, когда желания детей не совпадают с планами или вкусами их родителей! Но боярин Феодор и боярыня Мария подали пример истинного христианского отцовства и материнства: убедившись, что намерения сына благочестивы, разумны и обдуманно, они без тени сомнения дали ему свое родительское благословение. Эти родители-христиане видели в сыне не продолжение себя, не глиняную куклу, которую они вольны лепить по своему усмотрению, но образ Божий, личность, такую же, как и они сами, – хотя, конечно, и менее зрелую, – с такой же свободой воли, дарованной Самим Господом. И это умение увидеть образ Божий в собственном ребенке и совместить родительское руководство и совет со свободой дали поистине чудесный плод – сын их на избранном монашеском пути достиг истинной святости, стал для своей страны и всей Православной Церкви светочем Христовым, ярко сияющим нам и теперь, по прошествии стольких лет и веков.

Как многому могут поучиться у Феодора и Марии Бяконтов современные православные родители! Не секрет, что многие отцы и матери, даже воцерковленные православные христиане, неверно (а точнее будет сказать, в угоду себе) толкуя пятую заповедь о почитании родителей, вместо почтения требуют от детей слепого, беспрекословного подчинения себе. Однако не будем обманываться: подобные требования – не исполнение заповеди Божией, а проявление греховной страсти любоначала (властолюбия) со стороны родителей. Дорогие мои! Давайте беречься впасть в этот грех, страшный тем, что он, как волк в овечьей шкуре, маскируется под благочестие! Необходимо помнить, что, хотя наш жизненный опыт действительно превосходит опыт детей и нередко мы видим ситуацию правильнее и четче, чем они, все же мы – только люди и не можем претендовать на непогрешимость. Необходимо прислушиваться не только к себе, но и к детям и не стыдиться признавать их правоту, если их мнение, по здравом размышлении, оказывается вернее нашего. Не бойтесь подвинуть этим детей на непослушание – напротив, за вашу христианскую родительскую мудрость они отплатят вам еще большим, чем прежде, почтением. *Отцы, не раздражайте детей ваших, – говорит апостол Павел, – дабы они не унывали... но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем* (Кол. 3, 21; Еф. 6, 4).

Впрочем, предполагаю, как некоторые из вас, дорогие мои, помышляют в себе: «Неудивительно, что эти родители дали сыну благословение... Богатым и знатным везде ведь дорога: наверняка боярский сын Елевферий стал бы в монастыре не последним человеком, церковную карьеру сделал не хуже, чем в миру». Но отнюдь не таков был Елевферий Бяконт. Его желание служить Христу было искренним и неподдельным – и именно ради этого он избрал монашество. Елевферию было совершенно неважно, будет ли он первым или последним по своему положению среди монахов, – главным для него было идти за Христом.

Елевферий пришел в Богоявленский монастырь в Москве и был принят в число послушников наряду с прочими. Игуменом в Богоявленском монастыре был тогда преподобный Сте-

фан, старший брат великого чудотворца Сергия Радонежского; он и постриг Елевферия в монахи с именем Алексей, после того как юноша успешно прошел надлежащий период искуса. Молодому иноку шел тогда двадцатый год от рождения.

После же пострига... Нет, монах Алексей не стал продвигаться вверх по «карьерной» лестнице. Мы не находим даже никаких упоминаний о его рукоположении в священный сан. Бывший молодой боярин, а теперь смиренный инок вел такую же жизнь, как и все остальные насельники монастыря: неустанно трудился вместе с братией на различных монастырских послушаниях, постился, молился каждую ночь и упражнялся в других иноческих подвигах. И так продолжалось не год, не два, даже не десять – а целых сорок долгих лет! Все, что мы знаем о жизни смиренного монаха Алексея в этот период, – что он «всяко благоизволение иноческого жития исправле и всяко Писание Ветхаго и Новаго закона проиде». Ибо и в монастыре Алексей не оставлял своих ученых занятий, прилежно изучая Священное Писание и творения святых отцов Православной Церкви.

Однако Господу было угодно, чтобы светоч духовный не был скрыт под спудом от народа христианского, по евангельскому слову: *Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме; так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 15–16).

Многие, знавшие монаха Алексея, дивились его ревности по Богу, высоте его духа, мудрости и иноческим добродетелям. За эту богоугодную жизнь все почитали и уважали святого Алексея; и потому, когда престарелый митрополит Московский святитель Феогност пожелал найти себе достойного помощника в нелегких первосвятительских трудах, великий князь Московский Симеон Иоаннович (правил 1340–1353), сын Иоанна Калиты, с уверенностью указал святителю на крестника своего покойного отца.

Неизвестно, желал ли сам монах Алексей оставлять свою тихую келью и приниматься за многотрудные обязанности управления церковного. Но он был истинным монахом, пребывавшим в полном послушании у своего епископа, и потому безропотно покинул Богоявленский монастырь, в котором провел столько лет, и переселился на митрополичье подворье, где был назначен наместником митрополита Московского. Так на смиренном монахе Алексии, никогда не стремившемся к должностям и почестям, сбылись евангельские слова: *Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 14, 11).

В монахе Алексии святитель Феогност действительно обрел неоценимого помощника и истинного духовного сына. Старец-святитель не только пользовался помощью своего наместника, но и наставлял его в духовной жизни и различных науках; вероятно, именно под его руководством Алексей изучил родной для Феогноста греческий язык. Святитель Феогност желал иметь Алексея своим преемником на Московской кафедре и еще при жизни благословил своего помощника стать «в свое место Митрополитом».

Когда в 1353 году митрополит Феогност преставился, великий князь Московский Иоанн Иоаннович (1326–1359), принявший бразды правления после брата своего великого князя Симеона, по соборному постановлению избрал в митрополиты святого Алексея и послал его на посвящение в Константинополь. Патриарх Филофей поставил святого Алексея Митрополитом Киевским и всея Руси – в те времена Киевская митрополия еще оставалась формально главной в Русской Церкви, хотя на деле местопребыванием митрополитов Киевских была Москва. По возвращении из Константинополя святитель Алексей принял на себя управление Церковью Русской. При этом он не начал кичиться своим высоким положением и не оставил монашеских трудов и стал подвизаться еще усерднее, к одним подвигам прилагая другие, и был светильником для всех, подавая пример своей пастве словом, делом и жизнью, верой и чистотой, духом и любовью.

Слава о святителе Алексии распространилась не только среди христиан, но даже и среди не знавших Христа иноверцев-магометан. Так, в 1357 году вдова татарского хана Узбека и мать

его сына, хана Джанибека, влиятельнейшая ханша Тайдула тяжело заболела, почти лишившись зрения; слыша, что Бог творит многие чудеса по молитвам святого Алексия, она уговорила своего сына послать к великому князю Московскому Димитрию Иоанновичу просьбу – прислать к ней этого человека Божия.

Когда это прошение Джанибека пришло в Москву, святой Алексей восскорбел сердцем, считая это делом выше своих сил: ведь он, по смирению своему, не считал себя достойным испрашивать у Господа чуда. Однако он понимал, что, если не выполнить просьбу хана, это может обернуться бедой для русской земли, которая тогда платила дань татарам; и потому святитель, возложив все упование свое на Господа, как привык делать всю свою жизнь, все-таки отправился к хану Джанибеку.

Прибыв в ставку Джанибека, святитель Алексей был с почетом встречен самим ханом и препровожден в покои вдовствующей ханши. После продолжительной молитвы святителя Тайдула прозрела. Хан со своими вельможами и все бывшие там весьма изумлялись этому дивному и славному чуду. Почтив Алексия и бывших с ним и щедро наградив их, Джанибек отпустил их с миром. Так было прославлено имя Господне среди неверных, а Русская земля избавлена от бедствий. На средства же, полученные от хана, святитель Алексей основал в Московском Кремле Чудов монастырь (к несчастью, разрушенный в 1929–1932 годы безбожной советской властью).

Возвратившись из Орды, святитель Алексей по прошествии некоторого времени принужден был снова отправиться в Орду. Хан Джанибек умер в 1357 году, и на ордынский престол вступил его жестокий и кровожадный сын Бердибек (правил 1357–1359). Убив своих двенадцать братьев, он хотел идти со своим войском на Русскую землю. Тогда, по просьбе великого князя Иоанна, святитель Алексей отправился в Орду к Бердибеку. Конечно, святитель понимал, что рискует жизнью, – не раз уже случалось не только духовным лицам, но и князьям не возвращаться из Орды... Но этот *пастырь добрый* не думал о себе – он беспокоился лишь о своей пастве, готовый, подобно Господу своему, *положить душу свою за овец* (Ин. 10, 15). И Господь не оставил Своего верного служителя: разумной беседой Алексей укротил ярость жестокого хана. Исходатайствовав пред грозным владыкой мир для христиан, святитель возвратился в Москву.

Когда скончался великий князь Иоанн, на плечи святителя пала опека над несовершеннолетним князем Московским Димитрием Иоанновичем. Он был душой советов и дел князя Димитрия; когда же пришло время Димитрию Иоанновичу на деле занять великокняжеский престол, святитель Алексей с радостью благословил питомца своего чудотворной Владимирской иконой Божией Матери. Трудями святителя росла и крепла власть великого князя Московского.

Не все князья, однако, желали признавать власть Москвы; и святителю Алексию пришлось немало потрудиться, дабы примирить строптивых властителей Русской земли и восстановить мир в родной стране. Мудрый святитель старался объединить все русские княжества в единый союз, который в будущем мог бы противостоять Орде и добиться независимости, – и это ему удалось. Можно с полным правом сказать, что именно святитель Московский Алексей, хотя и не призывавший никогда к «восстанию», «революции», стоял у истоков борьбы против татарского ига, переломным событием которой должна была стать битва на поле Куликовом в 1380 году, принесящая воспитаннику святителя, святому благоверному князю Димитрию, славу освободителя земли Русской и прозвище Донской.

Однако сам святитель не успел при земной жизни увидеть эту победу своего духовного сына. 12 февраля 1378 года, предугадав о своем скором отшествии к Господу, святитель совершил Божественную литургию и причастился Святых Христовых Таин. Затем, пожелав всем пребывать в мире, он воздал всем последнее целование и спокойно предал Господу свою праведную душу, будучи восьмидесяти пяти лет от роду, из которых двадцать четыре года он зани-

мал первосвятительский престол. Тело его было с подобающею честью погребено в построенном им храме во имя Архистратига Михаила, в приделе Благовещения Пресвятой Богородицы.

И вновь, как некогда во дни земной жизни Московского святителя, Господь не пожелал, чтобы честные мощи Его угодника пребывали скрытыми от всех под спудом. После того как прошло около 60 лет со дня кончины святителя Алексия, в правление великого князя Василия Васильевича, дивный во святых Своих и прославляющий их всеблагий Бог открыл христианам это бесценное сокровище.

Так как первый храм, построенный самим святителем Алексием во имя Архистратига Михаила, был деревянный, то случилось, что крыша этого храма, пришедшая от долгого времени в ветхость, обрушилась прямо во время совершения Божественной литургии (по устройению Божию все бывшие в это время в храме остались невредимыми). Тогда великий князь повелел построить новый, каменный храм, и когда внутри прежнего деревянного храма стали копать рвы для фундамента нового храма, то нашли мощи великого святителя Алексия совершенно неповрежденными тлением. Даже ризы на почившем святителе были совершенно целы, как будто их надели накануне. Мощи святителя перенесли в новый каменный храм; тогда же митрополит Московский Алексий был торжественно прославлен в лике святых.

Впоследствии, при великом князе Московском Иоанне III Васильевиче, был выстроен особый храм в честь святителя Алексия Московского, и мощи его были перенесены туда. Рака с мощами святого пребывала в этом храме около двухсот лет, до 1686 года. Так как храм за это время обветшал, то в 1683 году, по повелению благочестивого царя и великого князя Феодора Алексеевича, был построен новый обширный храм, куда руками самих царей и великих князей Иоанна Алексиевича и Петра Алексиевича, в сопровождении Святейшего Всероссийского Патриарха Иоакима, епископов, всего духовенства и множества народа, мощи великого святителя Алексия были торжественно перенесены 20 мая 1686 года.

Ныне мощи Московского святителя покоятся в Богоявленском Патриаршем соборе Москвы. По молитвам святителя, как и в старину, совершается множество чудес.

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! Лучший способ почитания святых – подражать их жизни. Конечно, не каждый из нас призван к монашескому пути, не каждый может стать епископом и митрополитом, не каждый может и приобрести такой всенародный авторитет и сыграть такую роль к истории родной страны, как это сделал святитель Алексий Московский. Но главное – подражать не внешней, а внутренней сути подвига святых угодников. Чему можем мы, простые люди, поучиться у святителя Алексия? Конечно, его верности Господу и святой Православной вере, его желанию служить Богу и ближним, его мужеству и забвению собственных интересов в этом служении и в защите родной страны, его смирению и духовной мудрости. Все это нужно и важно как для государственного деятеля, так и для обычного человека. Будем же по мере сил подражать в этом святителю Алексию, будем просить у Господа укрепления на этом пути, восклицая вместе со всей Святой Православной Церковью:

«Апостольских преемников архиереев сопредстольниче, России всея пастырю и учителю, всеблаженне отче Алексие, Владыце всех молися мир пастве твоей даровати, и спасение душам, и велию милость».

Богу же нашему слава всегда, ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

Слово в день памяти святых равноапостольных царя Константина и матери его, царицы Елены (21 мая / 3 июня)

Нет в том, конечно, никакой гордости – хвалиться тому, кто знает, что благоденствия получил он от Существа Всевышнего. Мое служение Бог нашел и судил годным для исполнения Его воли. Начав от Британского моря, я при помощи какой-то Высочайшей Силы гнал перед собою все встречавшиеся ужасы, чтобы воспитываемый под моим влиянием род человеческий призвать на служение священнейшему закону и под руководством Высочайшего Существа взрастить блаженнейшую веру.

Равноапостольный кесарь Константин Великий

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе братья и сестры!

«Христиан – ко львам!» – в любой миг и в любом месте Римской империи мог раздаться этот вопль языческой толпы. В любой час в мирный дом христиан мог явиться имперский чиновник, чтобы именем закона увести их на лютые пытки и страшную казнь. Так первые три века по Рождеству Христову в постоянном душевном напряжении, в неотвязной тревоге за себя, родных и за ближних своих протекала жизнь последователей Спасителя. Преследовавшие их языческий фанатизм и иудейская ненависть подкреплялись мощью великолепно отлаженной римской государственной машины. Бежать, укрыться, найти покой было негде – Рим владел почти всем цивилизованным миром. Но вот, к неописуемому ликованию верных Христовых чад, от края до края гигантской империи прозвенели слова Медиоланского (Миланского) эдикта: «Итак, да будет известно и ведомо, что мы, невзирая на все указания, изданные доселе против христиан, желаем, чтобы им было дозволено отправление своей религии без малейшего препятствия».

Почти триста лет кровь славных мучеников Господних обагряла просторы империи. Уже сам вдохновитель палачей, диавол, захлебывался и задыхался в пламенной крови христиан, идущих на мучения и смерть за святую веру. Последняя адская бойня, последняя волна гонений была самой свирепой. Императоры Диоклетиан (правил 284–305) и Галерий (правил 293–

311) жаждали истребить христиан поголовно, всех до единого. Для этого была приведена в действие вся железная имперская бюрократия: каждый (каждый!) подданный Рима обязывался представить «либелли» – справку о принесении жертв идолам. Отказавшихся поклониться кумирам ждали пытки неимоверной жестокости, сочетавшиеся с нравственными надругательствами, – так пытались сломить волю исповедников Христовых. Истязания длились месяцами, выживших и выстоявших предавали казни. Чтобы освободить место для христиан, из тюрем выпускали на волю уголовников – и все равно имперские застенки не вмещали исповедников Спасителя. По свидетельству современника, «железо притуплялось и ломалось; убийцы утомлялись и работали посменно, по очереди». Наконец адская машина начала давать сбои. Сами гонители стали понимать свое бессилие в борьбе с последователями Истинного Бога.

Свирепый император Галерий, продолжая называть верных Христовых безумной сектой, одновременно сквозь зубы заявил: «Пусть будут христиане, лишь бы не делали ничего незаконного». Последний императоров-христорборцев, кесарь Максимин Дайя (правил 305–313), уже не убивал христиан, а «оказывал им милость»: выкалывал глаза, подрезал жилы на ногах и ссылал в рудники. С падением Максимиана гонения кончились. *Врата адовы* не одолели Церковь Христа Спасителя (ср. Мф. 16, 18).

Прошу совершать молитвы... за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте (1 Тим. 2, 1–2), – заповедовал святой апостол Павел. За каких царей просил молиться великий апостол народов? В его времена римским императором был бесноватый Нерон (правил 54–68), начавший расправы над христианами, казнивший и самого апостола Павла. С тех пор последователи Бога Истинного не имели *тишины и безмятежности*. Но, верные завету апостольскому, триста лет христиане молились за своих палачей. То была пламенная молитва о вразумлении, просвещении, обращении земных владык. Вымолили! В Медиоланском эдикте повелители империи уже сами просили молитв христианских: «Даруем христианам и всем другим свободу исповедовать избранную ими религию, чтобы Небесный Бог, каким бы Он ни был, дал мир и процветание нам и всем, кто живет под нашей властью».

Медиоланский эдикт подписали два императора-соправителя – Константин и Лициний. Для Лициния подпись под эдиктом была политическим ходом: фанатичный язычник, он таил злобу на христиан и ждал момента, когда сможет обрушиться на них. Но в лице Константина воздвигал Господь освободителя Церкви Своей, апостола всей Римской империи.

На императора Константина христиане смотрели с особой надеждой. Он был сыном *доброго кесаря* Констанция Хлора.

Крест над солнцем

Когда повсюду свирепствовали, изощряясь в жестокостях, прислужники Диоклетиана и Галерия, все же была в империи область тихого христианского жития – Галлия и Британия, где правил кесарь Констанций Хлор (правил 293–306). Любимец войска, избранный на правление благодаря ратным подвигам, Констанций не желал проливать кровь мирных невинных людей. Более того, он чувствовал свое духовное родство с христианами, ибо сам всю жизнь искал Единого Бога. В этих поисках кесарь Констанций не сумел подняться выше культа «непобедимого солнца», так и не достиг света Христова. Но мерзость языческих капищ была противна Констанцию Хлору, а в христианах он видел чистоту, искренность, благочестие.

Коварный Диоклетиан начал гонения с чистки придворных кругов и армии: казнил сановников и воинов, отказавшихся принести жертвы идолам. Казалось, младший кесарь Констанций Хлор, получив христорборческие указы верховного императора, поступит точно так же. Действительно, кесарь Констанций собрал своих приближенных-христиан и под страхом изгнания приказал совершить языческие обряды. Однако затем произошло неожиданное. Сохра-

нивших верность Христу кесарь не только не покарал, но еще больше приблизил к себе. А тем, кто готов был из-за его приказа изменить святой вере, Констанций Хлор заявил: «Вас я не могу терпеть при моем дворе: если вы не соблюдаете верность своему Богу, то как будете верны мне?» – и выгнал их вон. Христиане по-прежнему оставались под покровительством доброго кесаря. Однако же совершенно отказать в повиновении верховным императорам Констанций не мог – не проливая христианской крови, он все же разрушил несколько храмов.

Слабостью души Констанция Хлора являлось честолюбие. Ради царской власти он развелся со своей женою Еленой и заключил брак с сестрой одного из императоров. Елена оказалась не ко двору имперской знати: она происходила из простонародья – дочь мелкого чиновника, начальника конной станции, где ее увидел и полюбил молодой полководец Констанций. Всем сердцем преданная мужу, Елена делила с ним духовные искания – как и он, стремилась познать Единого Господа. Это постижение Бога Истинного, которого так и не достиг блистательный кесарь Констанций, стало уделом брошенной им жены. Проливая слезы поруганной любви, скорбя над разрушенным семейным очагом, Елена обратилась к Утешителю всех скорбящих – Распятому и Воскресшему Христу. В молитвах ко Господу Любящему, в размышлениях о великом крестном Его страдании утихало горе Елены, сменяясь высоким покоем и просветлением. А земным утешением ее был сын Константин, возраставший в чистоте, мужестве, мудрости.

Константину также довелось испытать немало горечи из-за распада семьи. Тиран Диоклетиан не доверял Констанцию Хлору, поэтому держал его старшего сына при своем дворе как заложника. Юноша тяжело переживал разлуку с отцом, которым восхищался, которому старался подражать во всем, в том числе и в религии «непобедимого солнца». Мать-христианка не дерзала вмешиваться в воспитание Константина, натуры сильной и самостоятельной, но Елена надеялась и молилась о том, чтобы Вселюбящий Господь Сам привлек ее сына к Себе.

Константин рос в душевной атмосфере придворных интриг, видел коварство и разврат, пьяные оргии и чванливую роскошь языческих вельмож. Но окружавшая его грязь не запятнала его благородного сердца: словно росток от доброго корня, он оставался чужд всеобщей скверне. Отвращался Константин и от идольских капищ, где любая гнусность находила себе божка-покровителя. Он верил в «непобедимое солнце», ему хотелось чистого света. Молодой царевич помнил и о милостях, которые чтимый им отец оказывал христианам, и, становясь невольным свидетелем истязаний, которым Диоклетиановы палачи подвергали мучеников Христовых, восхищался их мужеством и непобедимой стойкостью в вере. Слова доблестных исповедников, подвиги страстотерпцев Господних запечатлевались в чуткой душе будущего *апостола во царях*, чтобы в урочный час озарить его светом Истины.

(Впоследствии Константин увидел и страшные небесные кары, постигшие гонителей христианства. Император Диоклетиан, преданный вельможами, проклинаемый народом, сошел с ума и уморил себя голодом. Император Галерий был поражен болезнью, от которой тело его стало издавать нестерпимое зловоние, так что ни друзья, ни врачи не могли приблизиться к нему, – среди этого смрада он и умер. Кесарь Максимин покончил самоубийством, приняв яд, в жуткой агонии вопил он о грозном Высшем Судие. Из всех властителей империи только отец Константина, покровитель христиан Констанций Хлор, окончил свои дни спокойно и мирно, окруженный всеобщей любовью. Высокий разумом, Константин не мог не задумываться над духовным смыслом этих событий).

Находясь в окружении Диоклетиана и Галерия, благородный Константин выбрал для себя не придворные заискивания, а воинскую славу. Он стал смелым и мудрым полководцем, подобно своему отцу заслужил любовь армии. Справедливостью, честностью, умом, добротой он привлекал к себе сердца достойных вельмож. Это возбудило зависть коварного Галерия. Когда Констанций Хлор стал императором всего Запада, он призвал к себе старшего сына как кесаря-соправителя. Но Галерий, бывший императором Востока, назначил на Запад своего

кесаря, некого Севера, организовав против Константина заговор. Константин наконец-то ехал к любимому отцу, но на пути его поджидали высланные Севером убийцы. Спасаясь от погони, Константин подрезал жилы остававшимся за ним на конных станциях лошадям. Словно жалкий беглец, явился будущий император в свой удел. Но добром за зло отплатил он Северу, добровольно отдал ему в управление Африку.

Недолгой была радость встречи Константина с отцом после разлуки. Вскоре он проводил Констанция Хлора в последний путь. В наследство Константин получил преданность галльских легионов, провозгласивших его императором. Затем в империи началась смута. Сразу шесть кесарей враждовали и воевали друг с другом, деля между собою власть. Константин старался держаться в стороне от междоусобиц, довольствуясь своей Галлией. «Я отчуждался от бывших доселе правителей, потому что видел дикость их нравов», – говорил он.

В Риме воцарился Максенций (правил 306–312). Нет, он не был гонителем христиан – он был «просто тиран», ненасытный в разврате, грабеже и насилии. Константин признал его законным правителем и поначалу пытался относиться к Максенцию дружески. Но тот «был весьма тяжок для Рима по своей жестокости и скверной жизни»: похищал жен и дочерей у почтенных сенаторов, громил и расхищал богатые дома, убивал людей потехи ради, давил народ непосильными налогами. Римляне начали тайно посылать к Константину гонцов с мольбой о защите. Миротворительный Константин ограничился письмом к Максенцию, посоветовав не раздражать население. Однако этот дружеский совет показался тирану оскорблением, и он начал готовить войну против Константина.

Максенций собирался в поход по-язычески обстоятельно. В идольских капищах были принесены кровавые жертвы, в том числе человеческие: закланы несколько детей (разумеется, из рабов, которых римляне приравнивали к домашней скотине). Жрецы колдовали над кишками животных и птиц. Был проведен самый жуткий вид гадания – на внутренностях беременной женщины. Все языческие предсказатели в один голос провозгласили: Максенция ждет блистательная победа! Так духи злобы, от которых сокрыто будущее, лживо подбадривали своего угодника. Тиран заранее торжествовал. Целые сонмы демонов, упившихся жертвенной кровью, стекались к нему на помощь.

Скоро Константин узнал о предстоящей войне. Положение его виделось крайне опасным, почти безнадежным. Дело было не в языческих чародействах. На стороне Максенция стояла знаменитая преторианская гвардия – цвет имперского войска, и по опыту, и по выучке, и по численности, наконец, несравненно превосходившая галльские легионы Константина. Единственным разумным поступком казалось собирать силы и пытаться противостоять неприятелю на своей территории. Но кесарь Константин двинул свое войско навстречу врагу.

Никто не верил в успех этого похода. Солдаты роптали, думая, что их полководец сошел с ума, – настолько грозны казались преторианцы Максенция. Среди войска бродили языческие жрецы, предвещая несчастья. Только железная имперская дисциплина заставляла армию идти за кесарем. Среди общей тревоги один Константин оставался спокоен. Его вдохновляли вера в правоту своего дела и непонятная для него самого уверенность в победе.

Стремительным броском Константин двинул свои легионы через Альпы, прошел по Италии и остановился в непосредственной близости от Рима – у Мильвийского моста через Тибр. Здесь должен был разрешиться его спор с тираном Максенцием. Чтобы осмотреть место будущего сражения, кесарь Константин со свитой выехал к мосту. Но не к земным расчетам, а к небесному видению оказались прикованы взоры Константина. «Император увидел в небе прямо над солнцем знак креста, окруженного светом и сопровождаемого надписью: “Сим побеждай”». Не радость, а ужас был первым чувством кесаря и его спутников при этом знамении. Крест, знак позорной казни заговорщиков, убийц и рабов, считался в языческом мире самым страшным предзнаменованием.

В нелегких раздумьях о смысле виденного им чуда Константин удалился в свою палатку. Среди этих мыслей утомленный кесарь задремал. Во сне явился ему Сам Христос Искупитель, повелев на знамени утвердить знаки Креста и Божественного Своего имени, обещая Константину победу над супостатом.

Константин был не из числа безумных скептиков, которых никакие чудеса Господни не могут заставить уверовать. Чистым, ищущим Бога сердцем он возрадовался об открывшейся ему так явственно Истине Всевышнего. Воспевая святого царя Константина, Церковь сравнивает бывшие ему видения со светом Христовым, просветившим на пути в Дамаск великого апостола Павла. «Я твердо уверовал, что всю душу свою, все, чем дышу, все, что только существует в глубине моего ума, – все я обязан принести Великому Богу», – говорил равноапостольный император Константин.

Одновременно с видениями кесаря его воинству также было явлено небесное знамение – в форме, доступной общему пониманию. Ритор, язычник Назарий, сообщает, что впоследствии по всей Галлии разнеслась весть об этом чуде: на небе были видны полки со страшно сиявшими щитами, возглашавшие: «Мы идем на помощь Константину!»

Пробудившись после чудесного сна, Константин немедленно призвал к себе христианских епископов. Он жаждал не только сердцем, но и разумом постичь открывшуюся ему Высочайшую Истину. Так он узнал о Вселюбящем Боге, о Господе Иисусе Христе, Распятом и Воскресшем ради любви к людям. Так понял он смысл видения у Мильвийского моста: Крест, вознесшийся над тем самым солнцем, которое он прежде считал непобедимым, а на деле бывшим только одним из созданий Всемогущего Бога. Так кесарь Константин отверг поклонение творению ради поклонения Творцу, из солнцепоклонника соделался христианином. Так он вступил на свой поистине царский путь, ведущий к святости.

Константин не был человеком страстным, он имел удивительно гармоничный характер. Перенесенные в юности испытания не расшатали, а закалили его душу. Он научился в любых обстоятельствах сохранять глубокий душевный покой, каждый свой поступок выверять разумной осмотрительностью. Так, мудро и неторопливо, приступил он к сужденному ему апостольскому делу – просвещению Римской империи.

Перед битвой с Максенцием кесарь Константин вовсе не собирался сообщать всем и каждому о своем чудесном обращении ко Христу Господу. Такое известие могло бы вызвать бунт языческой части войска. Кесарь приказал художникам изготовить знамя с явленными ему Божественными знаками. Но символика этой хоругви была не демонстративно христианской, а как бы сокрытой от глаз непосвященных. Крестовидным было древко знамени, на котором утверждался золотой веночек с монограммой имени Спасителя – переплетением букв Х и Р. К древку было прикреплено и шелковое полотнище с портретами кесаря и его сыновей. Константин ничего не объяснял солдатам, а просто сказал: «Это знамя принесет нам победу». Только воины-христиане поняли смысл священной хоругви и внутренне ликовали. А вся армия, еще и прежде воодушевленная видением небесной помощи, доверилась таинственному знамени своего вождя и устремилась в бой.

Ход битвы у Мильвийского моста необъясним земными понятиями. Преторианцы Максенция не посрамили своей славы: они дрались как львы, предпочитая смерть отступлению. Но отборная гвардия пала под напором слабейших числом и умением галльских легионов. Мильвийский мост, до того выдерживавший десятки повозок, конницу, поступь гвардейских полков, внезапно подломился под маленьким отрядом пытавшегося бежать Максенция, и тиран утонул в водах Тибра.

В лице кесаря Константина Рим чувствовал своего освободителя от ненавистной тирании. Но в новом императоре римляне сразу заметили нечто непонятное, чуждое их языческим обычаям. Сооружая триумфальную арку, Сенат не решился приписать победу Константина воле Юпитера, как полагалось при прежних императорах. На арке значилось: «Константин освобо-

дил Рим по внушению Божества». Ритор Евмений, которому поручили говорить приветственную речь, выразался неопределенно: «Какой-то Бог побудил Константина отправиться в поход, как на победу, обещанную уже Богом». Недоумения по поводу того, какой религии придерживается император, развеялись после того, как Константин распорядился поместить в руке своей триумфальной статуи копье, имеющее форму креста. Он не делал никаких заявлений, все было ясно и без того. Впервые в истории в Рим вступил император-христианин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.